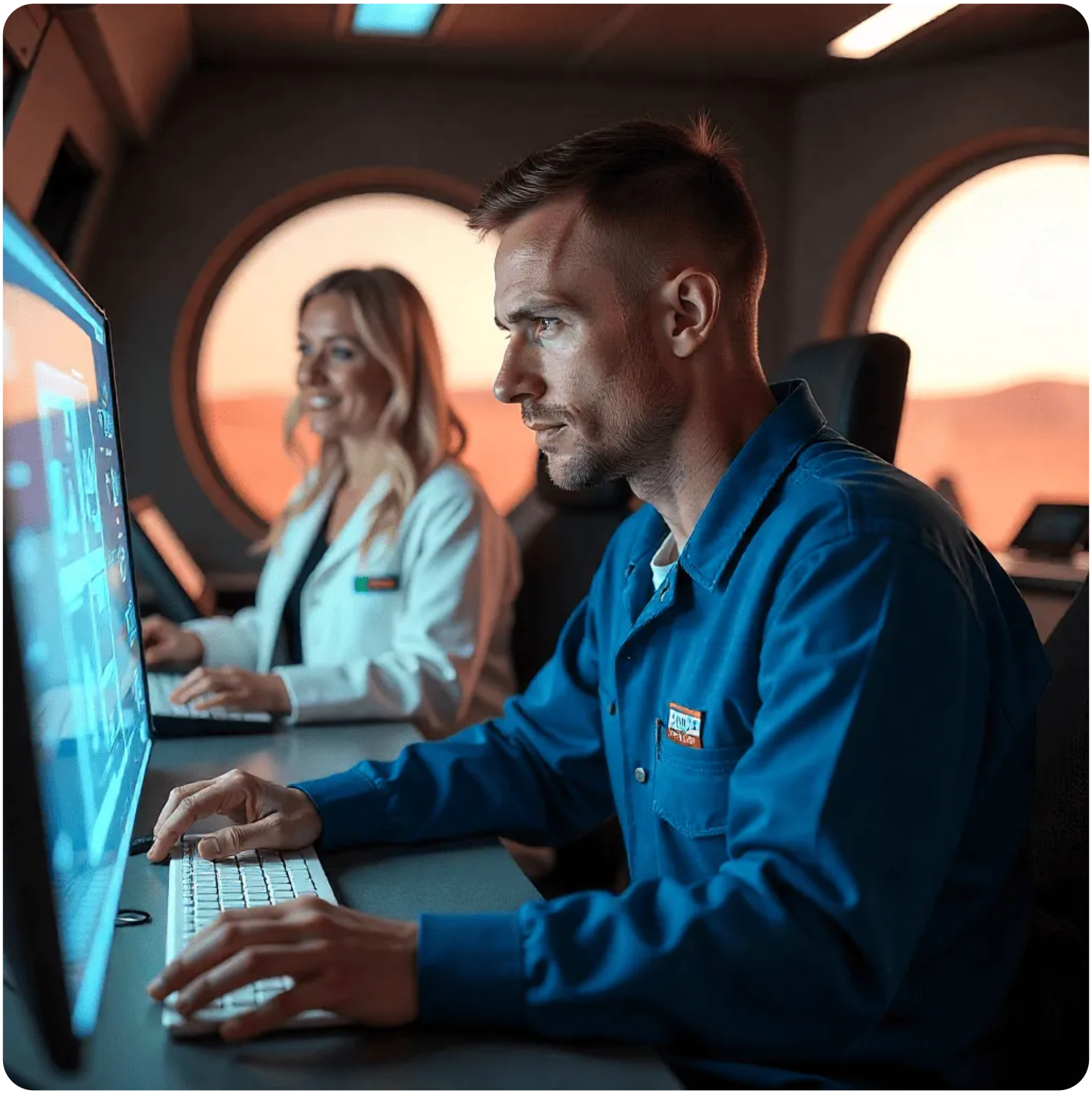

13 Марсианская

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox Борис

Ссылка на публикацию

1.

Иван проснулся ровно в 6:35. Он знал это, даже не открывая глаз — его организм работал как швейцарские часы, которые, впрочем, давно вышли из моды. На кухне уже царил привычный утренний бедлам: Ариэль, колдовала над

завтраком, с ней в своей особой материнской манере спорила мама, а из соседней комнаты доносился заливистый смех старшей сестры.

Иван тяжело вздохнул. Если бы Алёна узнала о его утренних мыслях, она бы точно устроила ему взбучку. С пронзительным визгом сестрёнка пронеслась через кухню, промчалась мимо его спальни и, словно ракета, устремилась обратно в свою комнату. «Опять эти её утренние забеги», — подумал он, поднимаясь с постели.

Его взгляд упал на прикроватный столик, где лежал старый механический будильник — настоящий раритет в эпоху квантовых хронометров. Сколько Иван ни пытался настроить этот упрямый механизм, тот неизменно срабатывал с опозданием, словно мстил хозяину за что-то.

Не успел Иван протянуть руку к будильнику, как тот оглушительно загрохотал, будто насмехаясь над его попытками контролировать время.

— Иван, сынок, вставай! — послышался голос матери.

В ту же секунду в комнату ворвалась Алёна. Её распущенные волосы развевались, а в глазах плясали озорные огоньки — что было совсем нехарактерно для неё.

— Вставай! — она начала энергично трясти его за плечо, словно пытаясь разбудить спящего медведя.

Иван посмотрел на сестру и нахмурился. Такое поведение было совсем не свойственно ей. «Где-то здесь кроется подвох», — подумал он.

— Иван, Ариэль уже приготовила блинчики, иди скорее завтракать! — пропела сестра, не замечая его настороженности.

«Точно косяк», — подумал Иван, бросив взгляд на будильник. 6:39. А заведён был ровно на 6:00. Этот древний механизм никогда не отличался пунктуальностью. Недовольно покачав головой, он поднялся с постели — и, не утруждая себя переодеванием, в одних трусах направился на кухню.

Картина, представшая перед ним, заставила его застыть в изумлении. Мать, как всегда, пыталась сохранить серьёзное выражение лица, но её укоризненный взгляд говорил сам за себя. Сестра Алёна, залившись румянцем, поспешно прикрыла лицо рукой. А у плиты… у плиты хозяйничала настоящая инопланетянка!

Иван глубоко вздохнул и, не говоря ни слова, хлопнул в ладоши. Иллюзия рассыпалась, словно карточные домики. В кухне остались лишь он сам и невозмутимый домашний робот, который методично выпекал вареники — куда более привычное зрелище, чем эти древние блинчики из его детских воспоминаний.

Когда робот наконец сервировал стол, Иван приступил к завтраку. Мысли его невольно вернулись к тому, как несколько лет назад мать согласилась на создание своей цифровой копии. Теперь общение с её двойником стало для него чем-то само собой разумеющимся.

С Алёной же всё обстояло куда сложнее. Её образ был собран по крупицам из старых видеозаписей, которые он чудом отыскал в заброшенном архиве древней электроники. Никто из семьи даже не подозревал, насколько успешно ему удалось восстановить эти данные.

При мысли об этом Иван не смог сдержать улыбки. Ох, если бы его милая сестричка узнала, что он хранит её образ и видит в таком виде… Даже его усовершенствованное тело не спасло бы от её праведного гнева. Кто бы мог подумать, что технологии будущего позволят ему сохранить частичку прошлого настолько живо и реалистично?

Позавтракав и дождавшись, когда робот с методичной точностью уберёт посуду, Иван раскрыл стол в рабочее состояние. Механизмы квартиры начали плавно уходить в стены, погружаясь в спящий режим. Он окинул взглядом преобразившееся пространство — голографические проекции потускнели, виртуальные окна свернулись, оставляя лишь холодный металлический каркас интерьера.

«Да, к этому никогда не привыкаешь», — подумал он, хотя за годы работы уже давно привык к этому своеобразному ритуалу перехода от домашней обстановки к рабочей. В конце концов, когда твоё рабочее место — это целая виртуальная реальность, некоторые компромиссы неизбежны.

На виртуальном терминале замигали индикаторы готовности. Сегодня его зона ответственности — улица Марсианская. Пальцы быстро пробежались по сенсорной панели, выбирая нужный сегмент городской сети. Ближайший склад с роботизированными оболочками находился в Иваново — не самое приятное место для подключения, но что поделаешь?

Через несколько секунд на экране отобразился успешный коннект. В системе появился отчёт: «Подключение установлено. Доступ к роботизированной оболочке №4723 подтверждён». На складе в Иваново один из роботов-носителей

плавно активировался, его системы начали пробуждаться под управлением сознания Ивана.

Через пару минут по улице уже шагал элегантный мужчина средних лет с большим баулом в руках. Его движения были отточенными и уверенными — результат многолетней практики управления роботизированными телами. Никто бы не догадался, что за этим безупречным фасадом скрывается удалённое сознание, управляющее механическим организмом на расстоянии.

Итак, разрешите представиться — меня зовут Иван, и я слесарь по ремонту бытовой техники. В эпоху, когда всё вокруг создавалось с помощью передовых пласт-технологий, моя профессия не только выжила, но и обрела новое дыхание. Мой рабочий комбинезон, хоть и был оснащён последними технологическими новинками, всё равно оставался верным классическому дизайну — тёмно-синим с отражающими полосками и множеством удобных карманов для инструментов.

Дело в том, что не все граждане рвались напрягать себя и зарабатывать на ультрасовременные устройства. Многие довольствовались базовым набором техники, который государство предоставляло бесплатно. Именно на таких клиентах и держалась моя служба. Мой планшет-диагностик, встроенный в запястье, тихонько пикал, подсказывая оптимальные маршруты между вызовами.

Первым адресом оказалась квартира милой бабушки — настоящего «божьего одуванчика». Её квартира встретила меня запахом пирогов и старенького, но надёжного холодильника модели «Комфорт-М», который она отказывалась менять на новый умный агрегат. Именно ради таких клиентов мы и работали. Закончив ремонт изношенного механизма подачи воды в её кофеварке (которой, кстати, было уже больше пятидесяти лет) и выслушав традиционную порцию увлекательных историй (без которых ни одна бабушка не могла обойтись), я двинулся к следующему вызову.

Выйдя на улицу, я окинул взглядом город. Современные мегаполисы выглядели предельно функционально и чисто — гладкие фасады зданий из нанобетона, идеально подстриженные газоны, голографические вывески, парящие в воздухе. Лишь немногие города сумели сохранить свой исторический облик после бурных событий прошлого. Вдалеке виднелись купола экопарков, где горожане могли отдохнуть от городской суеты.

На улицах было пустынно. Это объяснялось просто: большинство профессий, включая мою, давно перешли на дистанционный режим. Старушка как-то рассказывала, что раньше людям приходилось толпами ходить на работу —

часами стоять в пробках, толкаться в общественном транспорте. Но череда эпидемий заставила бизнес-сообщество наконец-то понять: проще перевести сотрудников на удалёнку, чем терять миллиарды из-за вынужденных простоев.

Я поправил сумку с инструментами, где помимо современных диагностических приборов лежали и старые добрые отвёртки, молотки и пассатижи. Прогресс прогрессом, а классика никогда не выходит из моды. Направившись к следующему адресу, я размышлял о том, как далеко шагнул прогресс, но как по-прежнему важны простые человеческие профессии. В конце концов, даже самые умные роботы иногда ломаются, и тут уж без человеческого прикосновения не обойтись.

На очередном адресе мои прежние размышления словно перевернули с ног на голову. Здесь жила настоящая многодетная коммуна — три квартиры на одной площадке, соединённые в единое пространство. Двери стояли нараспашку, повсюду сновали дети разных возрастов: кто-то увлечённо рисовал на голографическом планшете, кто-то собирал робота-помощника из конструктора, а младшие играли в какую-то шумную игру.

Я замер на пороге, поражённый этой картиной. Казалось бы, при нынешнем уровне государственной поддержки многодетные семьи могли бы жить, не работая вовсе. Но нет — эти люди жили по совершенно иным принципам. Родители постоянно крутились где-то поблизости, старшие дети помогали с младшими, и все вместе создавали удивительную атмосферу деятельной гармонии.

«Вот это я понимаю — настоящая ячейка общества», — подумал я, наблюдая за этой суетой. В отличие от моей семьи, где родители вечно пропадали на работе, а сестра Алёна старалась соответствовать их высоким стандартам, здесь царила атмосфера любви и взаимопомощи.

Закончив с ремонтом, я вышел на улицу, чувствуя лёгкую зависть к этим людям. Они создали свой маленький мир, где каждый был важен и нужен. Где не было места карьерным амбициям и социальному давлению — только забота друг о друге и радость совместного бытия.

Мой взгляд невольно скользнул по стене дома, украшенной мозаикой. На ней была запечатлена первая марсианская экспедиция — символ эпохи, когда человечество наконец-то решилось сделать шаг за пределы Луны. Глядя на изображение отважных первопроходцев, я невольно задумался о том, как далеко мы продвинулись с тех пор.

Именно с началом межпланетных путешествий человечество столкнулось с новыми вызовами. Оказалось, что космос таит не только чудеса, но и опасности. Внеземные экосистемы несли свои, совершенно неизвестные болезни, с которыми пришлось учиться бороться. Кто бы мог подумать, что освоение космоса принесёт не только открытия, но и новые испытания для медицины и науки?

Последним в списке адресов оказалась общага — ещё один вид современной мини-коммуны, но со знаком минус. Эти места стали пристанищем для тех, кто принципиально отказывался от работы, живя по принципу «нам все должны». Их идеология была проста и опасна: они считали, что мир им чем-то обязан, и были готовы пойти на что угодно, лишь бы доказать свою правоту.

Я хорошо знал эту публику. От таких можно было ожидать любой пакости — от мелкого хулиганства до серьёзных преступлений. Поэтому, прежде чем отправиться туда, я решил подстраховаться. Набрал номер службы безопасности, объяснил ситуацию дежурному оператору.

Сначала меня переключили на отдел профилактики — стандартное решение для подобных случаев. Но не успел я и пары фраз произнести, как разговор резко прервался. В динамике послышался металлический щелчок, а затем спокойный голос сообщил, что ситуация взята под контроль. В ту же секунду я почувствовал, как моё управление над роботизированным телом прерывается — кто-то буквально «выдернул» меня из оболочки!

«Что за дела?» — промелькнуло в голове, но было уже поздно. Система уведомила, что доступ к роботу временно заблокирован по распоряжению службы безопасности.

На этом моя официальная работа на сегодня фактически завершилась. Хотя я и остался на связи — мало ли что, — но такое вмешательство силовых структур говорило о том, что в общаге происходит что-то действительно серьёзное. Возможно, готовится крупная операция.

Сообщив руководству о неожиданном повороте событий, я перевёл рабочий стол в режим ожидания. Механизмы квартиры начали медленно выползать из стен, возвращая привычную домашнюю обстановку. Голографические проекции мягко засветились, создавая уютную атмосферу.

Я откинулся на спинку кресла, задумчиво глядя на мерцающий экран.

Первая марсианская экспедиция… Когда она стартовала, мой отец только появился на свет. Всё самое важное происходило на его глазах: мечты,

достижения, герои и… потери. Эпидемия стала чёрной меткой той эпохи.

Когда отец повзрослел, у целого поколения появилась чёткая цель — развить и усовершенствовать достижения предков. Он всегда говорил, что это было время великих перемен и невероятных открытий.

Иван вздохнул и направился к плите. По пути включил телевизор — старый добрый экран, который, как и все устройства теперь, получал информацию из интернета. Но находиться в пустой комнате, окружённой лишь голографическими проекциями, было как-то неуютно. Голубой экран создавал иллюзию живого общения, пусть даже с виртуальными новостями.

Достав зёрна кофе, он принялся за приготовление своего любимого напитка. Тщательно отмерил нужное количество, аккуратно перемолол их в старинной кофемолке, которую хранил как реликвию. Получившийся порошок высыпал в медную турку, добавил специально отфильтрованной воды и поставил на огонь.

Процесс приготовления кофе стал для него своеобразным ритуалом, помогающим собраться с мыслями после насыщенного дня. Пока напиток готовился, Иван задумчиво наблюдал за тем, как поднималась ароматная пенка, погружаясь в свои размышления о прошлом и будущем.

Заметив краем глаза, мигающий сигнал входящего вызова, я не стал прерывать священнодействие с кофе. Вместо этого лёгким движением перенаправил звонок на экран телевизора.

— Добрый день, Иван Викторович, — раздался из динамиков официальный голос.

— Добрый день. С кем имею честь разговаривать? — ответил я, продолжая следить за процессом приготовления. Такой стиль общения, хоть и казался архаичным пережитком прошлого, стал новой нормой в современном деловом этикете.

— Полковник службы специальных операций КГБ Эдмонд Истрович Семёнов.

От такого представления я на мгновение завис, едва не пролив молотый кофе мимо турки.

— Иван Викторович, — голос полковника вернул меня к реальности, — ваш кофе сейчас подгорит.

— Да, действительно, — спохватился я, возвращаясь к процессу.

Завершив все необходимые манипуляции и разлив ароматный напиток в чашку, я опустился за рабочий стол. Всё это время за мной внимательно наблюдал представитель самой могущественной силовой структуры мира.

Эти привычные действия удивительным образом помогли мне собраться с мыслями и взять себя в руки. Я отчётливо понимал: эта небольшая пауза была дана мне намеренно, и был искренне благодарен полковнику за проявленное тактическое мастерство. В конце концов, не каждый день к тебе обращаются представители такого уровня, и подготовиться к такому разговору стоило как следует.

— Давайте для начала уточним некоторые факты, — начал полковник, пристально глядя на меня. — Иван Викторович Буанасье. Мать — Марфа Буанасье, в девичестве Абрамова, из старообрядческой семьи.

— Да, мама действительно из старообрядцев, — подтвердил я, чувствуя, как внутри нарастает напряжение.

— Отец — Виктор Раулевич Буанасье, доктор медицины, ксеноархеолог, исследователь, участник тринадцатой марсианской экспедиции. Пропал без вести.

— Пропал? — переспросил я, не скрывая удивления. — Нам сообщили, что он погиб.

Эдмонд Истрович выдержал паузу, его взгляд стал ещё более внимательным.

— Сестра — Алёна Викторовна Горшенина, в девичестве Буанасье.

— Алёна замужем? — вырвалось у меня.

Полковник снова выдержал паузу, словно оценивая мою реакцию.

— Находится на Марсе, в составе экспедиции профессора Ришанти, в качестве бойца группы силовой поддержки.

Я молча кивнул, переваривая информацию. Мы едва начали разговор, а меня уже завалило новостями с головой. В голове крутились вопросы, но я понимал — торопиться не стоит. Полковник явно придерживался своего плана допроса, и перебивать его сейчас было бы ошибкой.

— Теперь поговорим о вас лично, — продолжил полковник, внимательно наблюдая за моей реакцией. — По профессии вы слесарь по ремонту бытовой и автоматизированной техники.

— Да, всё верно, — подтвердил я, чувствуя, как напряжение снова начинает нарастать.

— Ваше хобби — реанимация старых электронных устройств.

Я бросил взгляд на коробку с платами, которые планировал разобрать после работы, и пожал плечами.

— Ну да. В этом ведь нет ничего противозаконного?

— Вы правы, эта деятельность абсолютно легальна, — согласился полковник.

Он что-то передвинул на своём столе и, к моему удивлению, начал читать какой-то документ на настоящей бумаге! В наше время это было настолько необычно, что я невольно залюбовался этим архаичным жестом.

— Вам знакомо это? — спросил он, и перед моими глазами появилось изображение материнской платы компьютера, предположительно датированного началом или серединой двадцать первого века.

— Да, это материнская плата компьютера, — ответил я, сразу распознав характерные черты устройства.

— Вы можете извлечь с неё информацию?

— На самой материнской плате информация не хранится, — пояснил я. — Для этого нужны либо DOS-плата, либо системный диск.

Полковник обменялся какими-то знаками с кем-то за кадром — очевидно, там происходил диалог, которого я не слышал. После короткой паузы он снова обратил своё внимание на меня.

— Иван Викторович, — произнёс он, и в его голосе появились особые, значимые нотки, — не хотели бы вы поработать на КГБ?

*****

В памяти всплыла старая легенда. Говорят, на заре освоения космоса каждый, кто мечтал подняться хотя бы на орбиту, обязан был посмотреть какой-то особенный фильм. История не сохранила его название, хотя версий ходило множество. Большинство исследователей склонялись к тому, что это была сверхсекретная инструкция по безопасности.

Забавно, но с современной техникой такие инструкции уже не нужны — она сама спроектирована максимально безопасной. Однако физическая подготовка по-

прежнему остаётся ключевым требованием. Особенно это стало заметно во время моей экстренной спецподготовки на тренировочной базе служб.

Моё с рождения укреплённое тело значительно облегчало тренировки. Без этой особенности справляться было бы куда тяжелее. Моим напарником оказался молодой парень, тоже Иван. Отличался он от меня разве что цветом кожи, за что наши наставники тут же окрестили нас «белым и чёрным». Надо сказать, прозвище прилипло намертво.

Тренировочная база встретила нас неласково. Современные технологии, конечно, упростили многие аспекты подготовки, но физическая нагрузка осталась прежней. И если для меня, с моим модифицированным телом, это было просто вызовом, то для моего напарника — настоящим испытанием.

Впрочем, мы быстро нашли общий язык. В конце концов, когда тебе приходится вместе преодолевать физические и психологические барьеры, различия во внешности отходят на второй план. Главное — это то, что у тебя внутри, и готовность работать в команде.

В процессе подготовки меня постепенно ввели в курс дела. Оказалось, что служба ведёт масштабное расследование, связанное с тринадцатой марсианской экспедицией. И главная проблема, с которой они столкнулись, заключалась в старых носителях информации.

Требовалось на месте извлечь все доступные данные, а среди специалистов нужного профиля лишь несколько человек были способны без вреда для здоровья и психики работать на Марсе. Условия планеты оставались суровыми, несмотря на все достижения терраформирования.

— Какую школу заканчивал? — внезапно спросил мой напарник, уворачиваясь от очередного тренировочного удара.

Я в очередной раз ушёл от его атаки и, воспользовавшись моментом, ловко швырнул его к стене тренировочного зала. Иван заметно рассвирепел, но, учитывая, что его изначально готовили как телохранителя, он быстро взял эмоции под контроль.

— Я самоучка, — ответил я, поправляя тренировочную форму.

Не рассказывать же ему, что большую часть боевых навыков я получил, будучи своеобразной боксёрской грушей для своей сестры. Алёна всегда была талантливым бойцом, и её тренировки со мной, хоть и проходили в щадящем режиме, закалили моё тело и научили чувствовать движения противника на

интуитивном уровне.

— Но класс-то чувствуется! — произнёс Иван.

— А тебя ничего не смущает, чёрный? — бросил наставник, не отрывая от нас внимательного взгляда.

Наставник, который всё это время наблюдал за нашими действиями, вмешался:

— Не забывай, боец ты в последнюю очередь…

— Да, наставник, сначала я исследователь, — подтвердил Иван.

— Ты отлично защищаешься, но ещё ни разу не напал? — спросил Иван, внимательно наблюдая за мной.

Я кивнул головой в знак согласия.

— Служил боксёрской грушей сестре, — признался я.

— А кто у нас сестра? — поинтересовался Иван.

Я вздохнул:

— Алёна Викторовна Буанасье… — и после короткой паузы добавил: — Горшенина.

— Твоя сестра — «Яростная» Алёна?! — воскликнул Иван с явным удивлением в голосе.

В этом и заключалась главная неприятность: меня постоянно мерили по сестре, а мои интересы распространялись совсем на другие области, хотя и рукопашный бой пришлось изучить — и то вынужденно.

— Тогда понятно, почему у тебя такая отличная защита, — задумчиво произнёс Иван, словно что-то для себя решив.

Эта фраза неожиданно задела меня за живое, и я, потеряв самоконтроль, ринулся в атаку. Естественно, ничего хорошего из этого не вышло — через пару секунд я уже лежал на полу, пытаясь прийти в себя и не показать свою досаду.

Поднявшись и быстро проверив тело на наличие травм, я поднял взгляд на своего противника. Иван лишь улыбнулся и, сделав традиционный поклон, протянул мне руку. Я ответил тем же жестом, крепко пожимая его ладонь. То, что я в чём-то уступаю ему, не повод для злости и раздражения.

— Иван Буанасье, — представился я, всё ещё тяжело дыша после падения.

В этот момент в зал вошёл офицер в строгом чёрном костюме с характерными нашивками службы безопасности.

— Иван Лаптев, — неожиданно представился мой спарринг-партнёр, слегка поклонившись.

Интересная, необычная фамилия для человека с такой выразительной внешностью.

— Следуйте за мной, — коротко бросил офицер, его голос звучал уверенно и властно.

— Есть! — ответили мы дуплетом, вставая в строй.

Следуя за сопровождающим, мы миновали длинный коридор с зеркальными стенами, отражающими наши фигуры, поднялись с помощью гравитационного лифта — того самого, где антигравитационные поля создавали лёгкое покалывание в кончиках пальцев — на восемьдесят седьмой этаж и оказались в просторном кабинете с панорамными окнами, выходящими на город.

Внутри располагался массивный стол из тёмного дерева, инкрустированный металлическими вставками, несколько удобных эргономичных стульев с регулируемой спинкой, небольшой диван с мягкой обивкой и современная информационная панель, мерцающая голубоватым светом. Сопровождающий указал нам на диван жестом, после чего бесшумно покинул помещение, закрыв за собой массивную дверь.

Спустя несколько минут напряжённого ожидания в комнату вошли трое. По одному из вошедших сразу было заметно, что он из спецслужб — его выдавала особая манера держаться, цепкий взгляд и едва заметные движения, говорившие о многолетнем опыте. Вторым оказался пожилой мужчина с седыми висками и проницательными глазами, который не переставал что-то изучать в своём ручном планшете, периодически делая пометки голографическим пером.

А рядом с ним следовала молодая девушка необычайной красоты: миниатюрная, с подтянутой фигурой, третьим размером груди, платиновыми волосами, уложенными в сложную причёску, и ярко-зелёными глазами, в которых читался ум и решительность. Её костюм подчёркивал все достоинства фигуры, а лёгкая походка говорила о хорошей физической подготовке.

— О! Молодые люди уже здесь, — произнёс пожилой мужчина, направляясь к нам.

— Иван… — начал он, обращаясь к нам.

— Я, — ответили мы с Лаптевым дуплетом, невольно улыбнувшись друг другу.

— Э… — запнулся мужчина, пытаясь разобраться.

— Иван Буанасье — это тот, кто посветлее, — вмешался сотрудник спецслужб, указывая на меня.

Девушка не смогла сдержать смешок при этих словах, но быстро взяла себя в руки и вновь приняла серьёзный вид.

— Понятно. Иван, это ваша работа? — спросил пожилой мужчина, протягивая мне свой планшет.

Я взглянул на экран и сразу узнал одну из своих программ — ту самую, что я разработал для дешифровки закодированных телефонных книг.

— Да, это моя работа, только там что-то не так. Разрешите? — спросил я, протягивая руку к устройству.

— Пожалуйста, — кивнул мужчина, передавая мне планшет.

Взяв устройство, я быстро погрузился в код. Через несколько мгновений я обнаружил ошибку и, недолго покопавшись, исправил её. Вернув планшет владельцу, я увидел, как программа заработала корректно. Мужчина удовлетворённо кивнул, наблюдая за результатом моей работы.

— Отлично, Иван Викторович, присаживайтесь, — офицер указал рукой на диван, и я присел рядом с Иваном.

— Знакомьтесь, профессор Ковалёв, — представил пожилого мужчину военный.

Я мгновенно вскочил со своего места. Ковалёв Николай Сергеевич был единственным из ныне живущих специалистов, который ещё при жизни застал многие из так называемых «гаджетов». В молодости он участвовал в какой-то сверхсекретной программе, и сейчас его возраст почти вдвое превышал средние сто пятьдесят лет.

— Очень приятно познакомиться! Вы мой кумир, я учился на ваших работах… — вырвалось у меня с восторгом.

— Иван Викторович, — голос военного прервал мой поток восхищения.

С трудом взяв себя в руки, я повернулся к офицеру.

— Успеете ещё пообщаться, — спокойно произнёс он. — Учитывая, что Николай Сергеевич является вашим куратором на Земле.

Я кивнул, чувствуя, как внутри разливается тепло от этой новости. Поддержка такого уважаемого специалиста, настоящего патриарха в своей области, могла открыть невероятные возможности. Его опыт и знания были бесценны, а перспектива работать под его руководством казалась чем-то невероятным.

Профессор Ковалёв, заметив моё волнение, слегка улыбнулся и кивнул, словно давая понять, что разделяет мой энтузиазм.

— С Иваном Лаптевым вы уже знакомы, — продолжил офицер, кивая в сторону моего напарника.

Я кивнул, вспоминая нашу недавнюю тренировку.

— Его основная обязанность — детективные расследования.

— Детективные? — переспросил я, пытаясь уловить суть.

— Основные работы по расследованию ведёт наша группа на Марсе. Вы будете приглашённым экспертом. Иван Лаптев — ваш напарник и связующее звено между основной группой и вами.

Я снова кивнул, постепенно складывая пазл в голове.

— Профессор Ковалёв будет консультировать вас на Земле.

— Ясно.

— Кроме того, в вашу группу назначается Ковалёва Елена Игоревна, — офицер указал на девушку, которая вышла вперёд.

— В качестве кого? — спросил я, стараясь не выдать своего интереса к её персоне. Она определённо привлекала внимание, но профессионализм требовал ясности.

— Понимаете, молодой человек, — начал профессор Ковалёв, — моя правнучка — очень талантливый программист, но…

Все присутствующие переглянулись, и девушка решила взять слово:

— У меня довольно сложный характер, и моя семья считает, что работа в команде в экстремальных условиях научит меня жизни.

— Что стоит за словом «сложный»? — прямо спросил я.

Снова обмен взглядами между участниками разговора.

— Вы поймите, я не требую от вас интимных подробностей, но в космосе, когда старший отдаёт приказ, остальные выполняют его незамедлительно, независимо от содержания.

— Об этом можете не беспокоиться, — уверенно ответила девушка. — Кстати, а кто старший в нашей группе? Я так понимаю, наша группа автономная?

— Вы правы, ваша группа автономная, — подтвердил офицер. — Старшим назначен Иван Викторович. Вы также являетесь штатным пилотом.

Я тяжело вздохнул. Имея действующее удостоверение пилота, это было ожидаемо, хотя я и не испытывал особой любви к полётам.

— Иван Лаптев — следователь и связь с основной группой. Ковалёва — программист, аналитик, связь с Землёй. Кроме того, у вас всех есть боевая подготовка. Буанасье, по прилёте на Марс свяжетесь с капитаном Горшениной. Её группа, при необходимости, поступает в ваше распоряжение.

*****

До вылета на Марс оставался целый месяц — время, которое нам предстояло потратить на то, чтобы притереться друг к другу. И надо сказать, процесс этот обещал быть занимательным.

Характер Елены Игоревны проявился буквально с первого дня. Эта девушка обладала поистине энциклопедическими знаниями и, что самое интересное, имела собственное мнение по любому вопросу! Особенно доставалось от её замечаний бедному Ивану Лаптеву, который первым решил проявить инициативу и начать ухаживать за нашей программисткой.

Наблюдая за их перепалками со стороны, я не мог не отметить интересный факт: Лена явно не была против общения, но её привычка постоянно всех поправлять и указывать на ошибки действовала на нервы даже мне, а уж тем более впечатлительному Ивану.

— Иван, вызови Флип, — раздался голос Елены, когда мы собрались на очередной выход в город.

Мы с Иваном синхронно дёрнулись, но тот лишь устало махнул рукой в мою сторону: мол, твоя очередь, я уже натерпелся. Вздохнув, я активировал наручный браслет и вызвал городское такси.

— Куда сегодня? — спросил виртуальный водитель, материализовавшийся через пару минут.

Я лишь пожал плечами. Каждый раз, как только выдавался свободный день, Елена тут же брала бразды правления в свои руки, и мы отправлялись в очередное приключение. Первую неделю я ещё пытался воспринимать это как часть процесса ухаживания, но быстро понял, что наша команда — это нечто большее, чем просто набор личностей с разными характерами.

— Мальчики, вы готовы? — раздался звонкий голос Елены, и она, словно вихрь, появилась перед нами.

Наша красавица грациозно вышла из дома и, не спрашивая разрешения, взяла нас обоих под руки. Её настойчивость порой действовала на нервы, но нельзя было отрицать, что благодаря ей мы увидели в Москве столько интересного, о чём даже не подозревали.

— Сегодня вы посетите моё самое любимое кафе! — объявила она с энтузиазмом.

— Нет, только не это! — вырвалось у меня рефлекторно.

Я не мог скрыть своё недовольство — у нашей очаровательной спутницы был один существенный недостаток: она до безумия обожала сладкое. Настолько, что могла съесть целую тарелку пирожных за один присест.

— Иван Белый?! Вы не хотите посидеть в моём любимом кафе?! — в её голосе послышалось искреннее удивление.

— Хочу, но я не ем сладкое, — честно признался я.

— ХАМ! — фыркнула она, но тут же переключилась на Ивана:

— Ванюша Чёрный, ну ты-то меня поддержишь?

— Боюсь заболеть диабетом, — попытался отмазаться он.

— Хочу тебя обрадовать, в этом году исполняется ровно тридцать лет, как эта болезнь полностью исчезла с лица планеты! — парировала Елена.

— А ты не боишься её возродить своим аппетитом к сладкому? — не удержался я от подколки.

— Иван Викторович, фи! — скривилась она, но тут же сменила тактику:

— Ладно, сдаюсь… везите меня в своё любимое кафе.

— И не вздумайте отказываться — я вам там такое покажу!

Мы с Иваном переглянулись. Похоже, этот день обещал быть сладким во всех смыслах этого слова.

В этот момент к нам подлетел Флип, мягко приземлившись на выделенной площадке. Его голосовой помощник поприветствовал нас, и мы погрузились в салон.

— Кстати, вы знаете, откуда взялось это название? — вдруг спросила Елена, устраиваясь поудобнее.

Чёрный Иван лишь пожал плечами, а я изобразил живой интерес — не стоило выдавать, что я не только знаю про старый фильм, но и смотрел его от начала до конца.

— Оно фигурировало в одном из старых фильмов про будущее, — пояснила она, глядя то на меня, то на Ивана.

— В каком? — невинно поинтересовался я, чувствуя, как внутри растёт предвкушение.

— Этого я пока не знаю, — призналась Елена, слегка смутившись.

— Тогда приглашаю вас ко мне в гости на просмотр фильма «Гостья из будущего», — предложил я с улыбкой.

— Серьёзно?! — глаза Елены загорелись от любопытства.

— А что это за фильм? — спросил Иван, проявляя интерес.

— Фантастика, — начал я объяснять. — Говорят, авторы многое предсказали. Там показано более далёкое будущее, чем мы можем себе представить.

— Так может, прямо сейчас и полетим? — воодушевился Иван.

— Э, нет, — усмехнулась девушка. — Сначала кафе, а потом уже киномарафон. Не думаю, что «Гостья из будущего» от нас убежит.

Дуплетом вздохнув, мы смирились с уготованной судьбой и приготовились к сладкому вечеру… или так мы думали.

Но по прибытии в кафе нас ждал настоящий культурный шок! «Любимое кафе» Елены оказалось заведением с яркой вывеской «Кавказская кухня». Шашлыки,

плов, шаурма, кебаб — меню пестрело разнообразными мясными деликатесами. Даже я, который не был особым любителем сладкого, почувствовал, как отвисла челюсть.

«Это же не сладкое!» — хотел было возмутиться я, но вовремя прикусил язык.

В меню, конечно, присутствовало и разнообразное спиртное, но мы, не сговариваясь, единодушно отказались. И дело было даже не в режиме подготовки — просто никто из нас не испытывал к нему ни малейшей тяги.

Вечер, начавшийся с гастрономических недоразумений, плавно перетёк в уютный просмотр «Гостьи из будущего» у меня дома. Елена оказалась настоящим кладезем интересных фактов о старых фильмах, а Иван, как оказалось, был неплохим знатоком научной фантастики.

Кто бы мог подумать, что наш «сладкий» вечер превратится в увлекательное интеллектуальное приключение?

Подготовка оказалась куда более интенсивной, чем мы предполагали. Помимо базовых знаний о жизни на Марсе, нам пришлось освоить целый комплекс специализированных дисциплин.

Медицинская и биологическая подготовка заняла значительную часть времени. Мы изучали не только основы первой помощи, но и продвинутые методики диагностики, работы с автоматизированными медицинскими системами, а также особенности физиологии человека в условиях пониженной гравитации.

Инженерное дело стало настоящим вызовом. На Марсе не хватало квалифицированных техников, поэтому нам пришлось освоить принципы работы практически всей используемой техники:

- Системы жизнеобеспечения
- Марсоходы и транспортные средства
- Роботизированные комплексы
- Энергетическое оборудование
- Системы связи

Химическая подготовка оказалась особенно специфической. Мы изучали:

- Методы получения кислорода из марсианского грунта
- Процессы очистки воды
- Синтез необходимых веществ из доступных материалов
- Работу с опасными реагентами в условиях низкой гравитации

Программирование получило особое внимание, особенно в части:

- Управления роботизированными системами
- Работы с автоматикой марсианских баз
- Создания скриптов для оптимизации процессов
- Программирования дронов и исследовательских комплексов

Но главным предметом, по которому мы сдавали практический экзамен, стало «Выживание в экстремальных условиях». На эту дисциплину ушла большая часть времени в учебном центре. Мы отрабатывали:

- Эвакуацию при авариях
- Работу в скафандрах
- Маневрирование в условиях низкой гравитации
- Поисково-спасательные операции
- Действия при сбоях систем жизнеобеспечения

Остальные дисциплины мы осваивали самостоятельно по предоставленным материалам. Благодаря развитой способности к самообучению, привитой ещё в начальной школе, это не вызывало особых трудностей. Наставники лишь корректировали направление обучения и помогали в сложных моментах.

Каждый из нас имел доступ к:

- Персонализированным учебным программам
- Виртуальным тренажёрам
- Базам данных
- Интерактивным симуляторам
- Консультациям экспертов в режиме реального времени.

Я сидел у окна, наблюдая за городом, раскинувшимся внизу. Завтра — долгожданный день отлёта на орбиту. Мысли кружились в голове, переплетаясь с городским шумом, доносящимся с улицы.

— Сынок, проверь ещё раз свои вещи, — раздался мягкий голос матери за спиной.

— Мама, ты же знаешь, всё, что мне понадобится, уже ждёт меня на орбите, — ответил я, не отрывая взгляда от панорамного вида.

— Да, конечно, — тихо произнесла она, подходя ближе.

Её взгляд упал на небольшой свёрток, который она приготовила — традиционную «посылку от мамы», наполненную вещами, которые в наше время

были совершенно не нужны в космосе. Двадцать лет назад, когда она провожала отца в его последнюю экспедицию, процедура была почти такой же.

Я увидел, как она опустила голову, и в этот момент мне стало невыносимо стыдно. Мы оба знали, что эти приготовления — лишь ритуал, дань памяти и традициям. Но для неё это было важно.

Я поднялся, подошёл к матери и крепко обнял её. Шепнул на ухо то, что обещал себе давно:

— Я не только вернусь живым и здоровым, но и обязательно узнаю правду об отце.

— И присмотрю за сестрой? — добавил я с улыбкой.

На эти слова мама сначала улыбнулась, но потом не выдержала — её разобрал приступ смеха. Мы сидели на полу, обнявшись, минут пятнадцать, не в силах остановиться. Смех помогал нам справиться с тревогой, наполнял сердца теплом и надеждой.

В эти минуты я понял, что никакие технологии, никакие космические путешествия не могут заменить простых человеческих чувств, семейных уз и обещаний, данных близким.

*****

Последние сто лет ситуация в околоземной космонавтике изменилась не так уж сильно. Как и прежде, основу транспортной системы составляли орбитальные самолёты, оснащённые мощными ионными ускорителями. Эти гиганты воздушного пространства, покрытые светоотражающей керамикой, на заданной высоте активировали свои двигатели, позволяя челноку вырваться из цепких объятий земного притяжения.

Примерно тридцать лет назад в медиапространстве начали появляться интригующие статьи об орбитальных лифтах. Говорили о революционном проекте, способном изменить всю космонавтику. Правда, достоверной информации о стадии разработок было немного, но все знали о грандиозной стройке на севере Бразилии, в районе экватора.

Резкий толчок — сработали ускорители. Нас всех буквально вдавило в противоперегрузочные кресла. Перегрузки достигли максимума, и смотреть в панорамные иллюминаторы стало практически невозможно. Сквозь размытое от давления зрение я начал изучать попутчиков.

В пассажирской кабине, помимо нашей троицы, находились несколько космических туристов в специальных скафандрах премиум-класса, украшенных логотипами престижных брендов. Также весь состав новой смены для одной из орбитальных станций.

Несмотря на единую форменную одежду с высокотехнологичными вставками и встроенными системами жизнеобеспечения, различить, кто есть кто, было несложно. Работники станции выглядели не просто молодыми — это были буквально вчерашние выпускники специализированных академий, чьи лица ещё хранили следы недавней студенческой жизни. В их глазах читалась смесь волнения и профессионального азарта.

Система искусственной гравитации постепенно компенсировала перегрузки, и я заметил, как некоторые из новичков украдкой проверяют работу встроенных в форму датчиков и систем мониторинга состояния организма — верный признак того, что космос для них ещё не стал привычным рабочим местом.

Через несколько минут мы благополучно вышли на околоземную орбиту, и в пассажирской кабине началось настоящее оживление. Туристы, словно дети в кондитерской, прильнули к огромным обзорным иллюминаторам из прозрачного тринитростекла и с восторгом обсуждали каждый увиденный объект, используя встроенные в кресла голографические планшеты для идентификации космических объектов.

Елена с Иваном, буквально паря в условиях микрогравитации, схватили меня за форменную одежду и, смеясь, потащили к одному из обзорных окон. Их движения были грациозными и отточенными — видно было, что они уже имели опыт работы в условиях невесомости.

— Смотри!!! — воскликнула Елена, её глаза светились от восторга.

За окном, словно величественный космический маяк, проплывал стартовый терминал — массивная конструкция, к которой был пристыкован мощный орбитальный тягач с характерными ионными двигателями. Его солнечные панели, похожие на крылья гигантской бабочки, отражали свет далёких звёзд.

— Правда красиво?! — не унималась Елена, её голос звенел от восхищения.

Мы с Иваном синхронно закивали головами — зрелище действительно было завораживающим. Терминал, подсвеченный огнями, величественно парил на фоне бескрайнего космического пространства, усыпанного мерцающими звёздами. Каждая деталь этого инженерного чуда казалась частью грандиозного космического балета.

Однако идиллию немного портили многочисленные фрагменты космического мусора, хаотично летающие на этой же орбите. Металлические обломки старых спутников, фрагменты ракетных ступеней и другие техногенные остатки человеческой деятельности создавали своеобразную космическую свалку. Но, к счастью, международные программы по очистке орбиты уже начали приносить свои плоды — специальные орбитальные уборщики методично собирали мусор в специальные контейнеры.

Учитывая, что наш транспорт был укомплектован группой туристов, командир корабля принял решение сделать ещё один, дополнительный виток вокруг планеты. Этот манёвр позволил путешественникам в полной мере насладиться видом Земли с высоты нескольких сотен километров.

На орбитальной станции нас уже ждали представители команды Эдмонда Истровича. Их появление сразу же положило конец нашим планам о небольшой прогулке по станции и знакомству с её обитателями. После тщательного повторного инструктажа мы перешли на межпланетный тягач — массивную конструкцию с характерными радиационными щитами и усиленной системой жизнеобеспечения.

Ждать старта пришлось почти четыре часа. В условиях строгого регламента нам было запрещено покидать свои места, поэтому всё это время мы провели, изучая внутреннее устройство стартовой капсулы. Наши кресла, оснащённые продвинутой системой мониторинга состояния организма, мягко пульсировали в такт работе встроенных систем поддержки жизни. Вокруг нас мерцали индикаторы готовности различных систем корабля, создавая причудливую симфонию света и звука, предвещающую наше путешествие к Красной планете.

Месяц пути почти слился в одно монотонное полотно дней, где каждый следующий был похож на предыдущий. Рутинные проверки систем, тренировки в условиях невесомости и бесконечные часы, проведённые за изучением марсианских карт, — всё это слилось в единый поток времени.

Правда, было одно яркое пятно в этой серости — наши с Иваном безуспешные попытки завоевать расположение Елены. Мы, словно два неопытных юнца, снова и снова предпринимали попытки очаровать её, но каждый раз получали решительный отпор. Её острый ум и независимость были сильнее любых наших комплиментов и ухаживаний.

Наконец, после долгих недель пути, приборы показали — мы на месте. Грузовик завершил последние манёвры, и автоматика начала процедуру стыковки с марсианской станцией. Тяжёлые механизмы мягко притёрли наши корабли друг

к другу, соединительные узлы щёлкнули, фиксируя соединение.

Мы дождались своей очереди на выход, облачились в модифицированные скафандры нового поколения и шагнули в переходной шлюз.

И вот он — Марс. Величественный, суровый, красновато-бурый мир встретил нас своей особенной, почти мистической тишиной. Планета, о которой человечество мечтало веками, теперь была так близка, что можно было протянуть руку и коснуться её истории, её тайн, её будущего.

2.

Когда наши предки только начинали планировать освоение соседней планеты, вопрос о местоположении первой базы стоял особенно остро. Требовалось не просто удобное место для посадки корабля, а стратегически важный участок для создания постоянного поселения.

Предварительные условия были крайне жёсткими:

- максимально глубокое расположение в атмосфере для минимизации радиационного фона;
- наличие источников воды в непосредственной близости;
- естественные укрытия в виде пещер или подземных полостей для сокращения объёмов строительных работ.

Среди основных претендентов рассматривались:

- Кратер Гейла — территория, наиболее детально изученная к середине XXI века благодаря работе марсоходов и орбитальных станций;
- Равнина Эллады — регион, где были обнаружены обширные лавовые трубы, образовавшиеся миллионы лет назад.

Однако окончательный выбор пал на Долину Маринер (Большой Каньон). Её главное преимущество заключалось в колоссальных размерах и естественном разнообразии геологических формаций. Здесь присутствовали:

- слоистые породы с возможным содержанием воды;
- многочисленные трещины и разломы;
- участки с пониженной радиацией благодаря особенностям рельефа;
- естественные террасы, удобные для строительства.

Для детального исследования территории были задействованы автоматизированные комплексы:

- Марсоходы нового поколения с георадаром и спектрометрами;
- Дроны для аэрофотосъёмки;
- Подземные буровые установки для анализа состава пород.

После многомесячной работы разведывательных групп было найдено идеальное место. Оно соответствовало всем требованиям: наличие подземных полостей, близость к источникам замёрзшей воды и оптимальная защита от солнечной радиации. Это место стало колыбелью первой постоянной базы человечества на Марсе.

Пока мы спускались к поверхности Марса на посадочном челноке, Елена увлечённо читала нам лекцию об истории освоения планеты. Мы прекрасно понимали, что таким образом она пытается скрыть свой страх перед посадкой, поэтому не перебивали её.

История первых поселенцев была известна всем в общих чертах, но, как оказалось, далеко не все знали детали. Один из пассажиров шаттла, молодой специалист, задал вполне логичный вопрос:

— При таких-то условиях, почему посадочная площадка расположена так высоко?

Елена удивлённо подняла бровь:

— Ты же не думаешь, что эта посадочная площадка — место первой высадки?

— Э-э-э… — протянул парень, явно смутившись.

Стало очевидно, что именно так он и думал.

— Первая посадочная площадка с оригинальным кораблём находится на дне каньона, — пояснила Елена.

Парень недоумённо помотал головой:

— Но рядом с базой никакой площадки нет! Я же знаю!

Елена посмотрела на него с лёгкой снисходительностью, как на несмышлёного ребёнка. Ситуация усугубилась, когда самоуверенный пассажир решил добавить:

— Я уже второй раз сюда прилетаю работать, поэтому всё здесь знаю!

Елена тяжело вздохнула и бросила взгляд в мою сторону. Я лишь пожал плечами, сдерживая улыбку — было очевидно, что молодому специалисту

предстоит узнать ещё очень много интересного об истории освоения Марса.

— Та база, на которой ваше величество соизволило работать, далеко не первая, — с лёгкой иронией произнесла Елена, не скрывая своего превосходства в знаниях.

— А есть ещё база? Почему я о ней ничего не знаю? — недоумённо спросил Виктор, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Его вопрос вызвал сдержанные улыбки у остальных пассажиров. Напарники Виктора уже не могли терпеть его неосведомлённость.

— Виктор, не позорь наш коллектив, пожалуйста, — не выдержал один из них.

— А что такого? — возмутился Виктор, явно не понимая, что делает что-то не так.

— Кто тут любит сказки про «серые коридоры»? — вмешался другой сотрудник, с намёком в голосе.

— Так это «серые коридоры»? — глаза Виктора округлились от удивления.

— Ключевое слово — коридоры! — многозначительно произнёс собеседник.

Виктор продолжал ошарашенно крутить головой, явно пытаясь осмыслить новую информацию. Один из более опытных членов экипажа, тяжело вздохнув, решил просветить молодого коллегу:

— Так называемые «серые коридоры» — это первая марсианская база. Она уходит глубоко под землю, пронизывая весь скальный массив, и именно там, с другой стороны этой огромной скалы, стоит тот самый исторический корабль.

— А почему она заброшена? — не унимался Виктор, явно заинтригованный рассказом.

— Когда прилетим на базу, подойди к безопаснику, — усмехнулся собеседник, — он с удовольствием расскажет тебе все подробности.

Дружный хохот присутствующих разрядил напряжённую атмосферу, и тема постепенно сошла на нет. Кто-то из экипажа включил систему автоматического мониторинга посадки, и все внимание переключилось на приближающуюся поверхность Марса, подсвеченную лучами местного солнца.

Челнок приземлился на подготовленную площадку удивительно мягко — было очевидно, что экипаж выполняет эту процедуру далеко не впервые.

Далее началась стандартная процедура перехода на станцию. Порядок действий все прибывающие на Марс тщательно изучали ещё на Земле, на специальных тренажёрах. Благодаря этому через час все благополучно прибыли на станцию. Сняв скафандры, мы расположились в комнате инструктажа.

— Добрый вечер, господа и дама, — прозвучал глубокий голос вошедшего.

— Добрый вечер? — удивлённо переспросил я, оглядываясь на остальных.

Когда мы покидали челнок, солнце только-только поднималось над горизонтом, пусть и выглядело как увеличенная звезда, но его было отчётливо видно. Заметив моё недоумённое выражение лица, незнакомец пояснил, что здесь, на базе, все живут по земному времени, несмотря на совершенно иные ритмы местного светила.

— Раз с временем мы разобрались, давайте знакомиться, — продолжил он. — Меня зовут Алексей Петрович Горшенин, начальник службы безопасности марсианской станции.

Он внимательно посмотрел на нас, его глаза на мгновение задержались на каждом лице, словно оценивая готовность к предстоящему рассказу. Затем, открыв что-то в своём высокотехнологичном планшете, он взмахнул рукой — и над столом развернулся огромный голографический экран, переливающийся в полумраке комнаты.

— Прежде чем ставить перед вами задачу, я хочу начать с предыстории, — произнёс Алексей Петрович, его голос звучал уверенно и спокойно.

Я уже было открыл рот, чтобы сказать, что мы в курсе всех событий, но он остановил меня лёгким движением руки.

— Я понимаю, что вы уже многое знаете из различных источников, — продолжил он, — но я хочу быть абсолютно уверенным, что мы с вами оперируем одними и теми же фактами. А то некоторые здесь уже такого нафантазировали, что даже Голливуд нервно курит в сторонке.

Дотронувшись до сенсорной панели планшета, он запустил воспроизведение. На голографическом экране появилось архивное видео проводов первой марсианской экспедиции. Кадры были чёткими, словно события произошли только вчера, хотя на самом деле прошло уже немало лет.

— Началось всё, конечно, не так давно, — продолжил Алексей Петрович, — но мы не можем не вспомнить этих великих людей. Они преодолели путь до Марса за четыре месяца, провели сложнейшую ручную посадку на плохо изученную

площадку, где каждый метр поверхности мог таить опасность. И в течение полутора лет, практически в полной изоляции от Земли, они самостоятельно строили первую постоянную базу.

Он сделал паузу, давая нам возможность проникнуться масштабом свершённого. На экране тем временем сменялись кадры: первые шаги по марсианской почве, установка первых модулей станции, борьба с непредвиденными трудностями.

— Они столкнулись с множеством проблем, — продолжил Алексей Петрович, его голос стал более тихим, словно он рассказывал о чём-то очень личном. — Нехватка ресурсов, технические неполадки, психологические нагрузки. Но они справились, заложив фундамент для всех последующих миссий.

Он наконец обратил своё внимание на нас, его взгляд был серьёзным и в то же время полным надежды.

— Вы, наверно, знаете про особенность первого корабля? — продолжил Алексей Петрович, обводя нас взглядом.

Елена, словно прилежная ученица на уроке, подняла руку и чётко, без малейшей заминки ответила:

— Корабль первой экспедиции создавался как конструктор для создания планетарной станции.

— Всё верно, — кивнул начальник безопасности. — Именно из корпуса первого корабля были созданы первые уровни станции. Кстати, эта комната, в которой мы сейчас находимся, тоже сделана из элементов корпуса того самого корабля.

— Как? Но мы же не в старой части станции! — удивился кто-то из присутствующих.

— Всё довольно просто, — пояснил Алексей Петрович. — Основное, что сделала первая экспедиция помимо строительства базы — это создание действующей посадочной площадки, которую мы используем до сих пор, и комплекса подземных помещений под ней.

— Помещения? — переспросил я, заинтересованно подавшись вперёд.

— Да, — подтвердил он. — В первую очередь это механический отдел, где каждый прибывающий шаттл проходит обязательное техническое обслуживание. Есть отдельное помещение под топливные резервуары с системой криогенного хранения, и, конечно же, эта комната.

— А что здесь было изначально? — не унимался кто-то из новичков.

— Что было, то и осталось, — улыбнулся Алексей Петрович. — Все новоприбывшие сначала попадают именно сюда, проходят первичный инструктаж, и только после этого отправляются на основную часть станции. Это место всегда было и остаётся точкой первого контакта для всех марсианских гостей.

— Инструктаж? — переспросил кто-то из группы.

— Естественно, — подтвердил Алексей Петрович. — Даже при повторном посещении все новоприбывшие обязаны проходить полный инструктаж. Безопасность превыше всего.

Мы дружно закивали головами — по нашему мнению, это было более чем оправдано. Строгие правила безопасности на чужой планете не могли не вызывать уважения.

— Вполне естественно, что когда встал вопрос о расширении базы, её начали строить между первыми корпусами и посадочной площадкой, — продолжил начальник безопасности, указывая на голографическую схему.

Иван, всегда отличавшийся пытливым умом, поднял руку:

— Да? — поощрил его Алексей Петрович.

— А новую базу строили отсюда или со стороны старой базы? — спросил Иван, указывая на схему.

— Нет, — покачал головой Алексей Петрович. — Для нас сейчас есть разделение на старую и новую, но тогда шло просто расширение. Помещения возводились там, где это было наиболее целесообразно с технической точки зрения.

Он сделал паузу, давая нам осмыслить информацию.

— Например, — продолжил он, — основной зал, где сейчас все жители базы любят проводить свободное время, был построен одним из первых, хотя географически он расположен ровно посередине между посадочной площадкой и первоначальной базой.

Алексей Петрович вывел на голографический экран подробную схему базы, где были видны все переходы и уровни.

— Всё дело в том, — пояснил он, — что именно в этом месте находилась идеально подходящая естественная пещера. Её обнаружили ещё первые

исследователи, и именно её решили адаптировать под главный общественную зону. Благодаря природным особенностям этой пещеры удалось создать просторное и удобное помещение, которое теперь служит сердцем всей станции.

Я украдкой взглянул на погружённого в изучение схемы Ивана, который с детским восторгом крутил трёхмерную модель подземного комплекса, внимательно рассматривая каждый коридор и помещение.

— Итак, вернёмся к тринадцатой экспедиции, — голос Алексея Петровича стал серьёзнее, словно он предчувствовал важность предстоящего рассказа.

Внутри меня что-то дрогнуло — ведь одним из участников той самой «тринадцатой проклятой», как её называли в узких кругах, был мой отец. Воспоминания нахлынули волной, заставив крепче сжать подлокотники кресла.

— В то время межпланетный буксир, которым мы сейчас регулярно пользуемся, находился лишь на стадии испытаний, — продолжил начальник безопасности, его тон стал более деловым. — Как вам, вероятно, известно, замена персонала станции происходила по старой схеме, а именно…

Алексей Петрович вывел на голографический экран изображение корабля проекта «Юрий Гагарин» — величественного космического судна, чьи обтекаемые формы и характерные солнечные панели были хорошо знакомы каждому, кто интересовался историей освоения Марса.

— Подобный корабль совершал стандартный рейс: прилетал, производил разгрузку необходимых материалов и оборудования, проходил полный цикл технического обслуживания — объяснял Алексей Петрович, — после чего забирал персонал, чей срок работы подошёл к концу, и отправлялся обратно к Земле.

Он сделал паузу, давая нам осмыслить информацию, а затем добавил:

— Первой особенностью этой экспедиции, если не принимать во внимание зловещую нумерацию, стала полная замена всего персонала станции. Такое происходило крайне редко, и, как показала история, неслучайно.

Я открыл свой планшет, проверяя сохранённые данные. Действительно, двое участников двенадцатой экспедиции должны были остаться на продлённый срок, но за две недели до прибытия тринадцатой смены оба получили серьёзные травмы. Было принято экстренное решение об их эвакуации на Землю.

Позже, во время расследования происшествия, специалисты выяснили интересный факт: эти двое сотрудников испытывали панический страх перед участием в тринадцатой экспедиции. Именно от них и пошло зловещее прозвище «проклятая», которое впоследствии закрепилось за всей экспедицией.

— Как вам известно, — продолжил Алексей Петрович, — в те времена срок каждой марсианской экспедиции составлял ровно полгода. Первые два месяца всё шло в штатном режиме, а затем на Землю поступил сигнал «оранжевой» тревоги.

О системе аварийной сигнализации марсианской базы мы были прекрасно осведомлены. В случае потери основной связи автоматически активировался резервный аварийный маяк, способный передавать только строго кодированные сигналы:

- «Зелёный» — означал, что с личным составом всё в порядке, и они уже занимаются решением возникшей проблемы
- «Жёлтый» — свидетельствовал об отсутствии проблем со здоровьем, но указывал на неопределённость в решении технической неполадки
- «Красный» — сигнализировал о непосредственной угрозе жизни персонала

Система была продумана до мелочей, ведь в условиях марсианской изоляции каждая минута могла иметь решающее значение.

— «Оранжевый» сигнал, — начальник службы безопасности обвёл нас внимательным взглядом. — Это означает потенциальный риск для жизни всех людей на планете.

Мы погрузились в тяжёлые размышления. В истории человечества уже были прецеденты возможного заражения инопланетными формами жизни, поэтому реакция на такой сигнал была максимально жёсткой и продуманной.

Спасательную команду, которая находилась в постоянной готовности к старту, решили не отправлять. Вместо этого начали подготовку специальной группы особого назначения. Эти люди были настоящими героями, ведь одним из возможных сценариев развития событий был полный запрет на возвращение на Землю из-за потенциальной опасности заражения.

— Как вы уже знаете, — продолжил Алексей Петрович, — результаты работы специальной группы оказались весьма неоднозначными. Им удалось установить причину потери связи…

— Метеорит, — уверенно произнесла Елена.

— Совершенно верно, Елена Игоревна, — кивнул начальник безопасности. — На базу упал метеорит. Конечно, полностью разрушить станцию он не мог, но сила удара была настолько мощной, что всю конструкцию основательно тряхнуло.

Антенна, установленная на поверхности, была полностью уничтожена. Точные повреждения, нанесённые самой станции, остались неизвестными, поскольку к моменту прибытия спасателей все шлюзы оказались герметично заблокированы.

Попытки установить связь с изолированной частью станции не принесли результатов. Это могло означать только одно — живых внутри не осталось.

Все присутствующие посмотрели на меня, словно ожидая каких-то особых объяснений, но я лишь пожал плечами. Когда пришла новость о трагедии, мне не исполнилось и десяти лет, и я мало что понимал в те времена.

— Почему до сих пор не открыли шлюзы? — раздался чей-то голос.

Вопрос казался вполне логичным для тех, кто не знал устройство станции, но и я, и Елена, судя по её понимающему взгляду, были в курсе технических особенностей.

— Шлюзовая система — это полностью автономный механизм, — пояснил Алексей Петрович. — Она собирается как единый блок на Земле и в готовом виде встраивается в конструкцию станции. Здесь просто нет необходимых инструментов, которые позволили бы безопасно вскрыть шлюз, не говоря уже о том, что любые механические воздействия могут повредить герметичность. Единственный способ — это использование взрывчатки.

— Но ведь применение взрывчатки может привести к разрушению всей станции? — уточнил кто-то.

— Именно так, — подтвердил начальник безопасности. — Риск слишком велик.

— Так что же вы хотите от нас? — не выдержал Иван.

— Иван Викторович, — начал Алексей Петрович, — прежде всего я хотел бы, чтобы вы с коллегами восстановили работоспособность всей системы видеонаблюдения.

— Можете пояснить подробнее? — попросил Иван.

— Конечно, — кивнул начальник безопасности. — Поскольку мы были лишены доступа к основному компьютеру, который контролировал жизнеобеспечение станции, было принято решение установить новое вычислительное

оборудование. При этом старая система была полностью изолирована от этой части базы, чтобы исключить любые риски. Теперь нам необходимо получить доступ к записям с камер наблюдения, которые могли бы пролить свет на произошедшие события.

— Вы полностью удалили все связи со старой системой? — спросил я, внимательно изучая схему подключения.

— Нет, конечно, — ответил Алексей Петрович, выводя на экран схему сетевых соединений. — Старый компьютер всё это время находился в режиме глубокого сна, но некоторые критически важные системы, например, видеонаблюдение, подключены параллельно к обеим сетям. ИИ базы подтверждает, что старый компьютер реагирует на программные запросы, хотя и минимально.

— Тогда почему вы не можете подключиться к нему? — не удержался Иван, поправляя очки.

— Дело в том, — пояснил начальник безопасности, — что архитектура старого компьютера основана на квантовых процессорах первого поколения. Их язык программирования кардинально отличается от современных систем. Среди наших специалистов нет экспертов, способных работать с такими системами.

— Можно вопрос? — подняла руку Елена, активируя свой нейроинтерфейс.

— Да, Елена?

— Я тоже программист и не понимаю этого деления на поколения компьютеров. По-моему, за последние сто лет мало что изменилось в конечном результате.

Я улыбнулся, вспоминая свои первые шаги в программировании.

— Лена, расскажи, как ты пишешь программы? — спросил я, открывая технический справочник.

Она пожала плечами:

— Беру профильную ИИ-систему, загружаю необходимые базы данных через нейропорт и настраиваю параметры в виртуальном симуляторе.

— А на каком уровне ты это делаешь? — уточнил я.

— Не поняла вопроса, — призналась она, проверяя свои заметки.

— На заре информатики программирование осуществлялось через сложные многоуровневые системы, — объяснил я, выводя на экран историческую схему. —

Использовались специализированные языки: Python, JavaScript, PHP и множество других. Мы до сих пор используем их базовые принципы, но современные системы автоматизируют большую часть процессов. Сейчас мы работаем через высокоуровневые интерфейсы, не погружаясь в глубинные механизмы.

— Тогда почему местный ИИ не разберётся? — не унималась Елена.

— У него недостаточно вычислительных ресурсов для дешифровки старых протоколов, — ответил Алексей Петрович, проверяя системные логи. — К тому же, основной ИИ станции постоянно обрабатывает потоки данных от научных экспериментов и систем жизнеобеспечения.

— Значит, вы хотите открыть шлюз? — спросил я, изучая техническую документацию.

— Это было бы оптимальным решением, — кивнул начальник безопасности. — Но сейчас у нас есть альтернативный способ.

— Как? — удивился Иван, изучая схему шлюзовой системы.

— Завод-изготовитель последние месяцы работал над специальным механизмом аварийного вскрытия, — пояснил Алексей Петрович. — Сегодня вместе с вами прибыли финальные компоненты этого устройства. Оно позволяет механически воздействовать на систему запирания без повреждения основной структуры шлюза.

— Значит, вы сможете открыть шлюз? — спросил я, проверяя спецификации.

— Сможем, — подтвердил начальник безопасности. — Но, к сожалению, после такого вмешательства система шлюза потребует полной замены. И мы не должны забывать о причине, по которой был подан сигнал тревоги — возможная угроза безопасности всего персонала.

— Я понимаю, — кивнул я, просматривая протоколы безопасности.

Инструктаж завершился подробным знакомством с остальной командой и обменом контактной информацией. Каждый из нас получил персональный доступ к системам станции и специализированное оборудование для работы.

А начальник безопасности, сославшись на срочные дела по обеспечению безопасности операции, стремительно покинул помещение, оставив нас готовиться к предстоящим испытаниям.

3.

Зайти в систему старого компьютера оказалось не так уж сложно. Знание всех резервных паролей, конечно, существенно помогало, но и сам компьютер изначально не был спроектирован как объект, требующий экстремальной защиты — в те времена подход к безопасности был несколько иным.

После успешной авторизации я приступил к анализу системных архивов. Интерфейс старого компьютера представлял собой смесь устаревших протоколов и примитивных графических оболочек, которые сейчас казались почти архаичными. Тем не менее, используя современные адаптеры и конверторы, мы смогли наладить взаимодействие с системой.

Как только я обнаружил архив системы видеонаблюдения, сразу запустил процесс копирования данных. Это заняло некоторое время из-за низкой пропускной способности старых интерфейсов и необходимости конвертации форматов. Параллельно я начал детальный аудит всей системы, проверяя каждый модуль и подсистему на предмет скрытых уязвимостей.

Следующей задачей стал штатный запуск шлюзовой системы. Это оказалось намного сложнее, чем предполагалось изначально. Программирование старого шлюза базировалось на уникальной системе команд, разработанной специально для этой модели. Пока мы с Еленой разбирались в причудливых алгоритмах и нестандартных протоколах, которые использовали разработчики того времени, остальная команда приступила к монтажу дополнительного шлюзового механизма.

Работа требовала предельной концентрации: приходилось учитывать особенности квантовых процессоров первого поколения, их специфический набор команд и нестандартную систему адресации памяти. Каждый шаг в программировании шлюза был похож на расшифровку древнего кода, где малейшая ошибка могла привести к фатальным последствиям.

В машинном зале тем временем кипела работа: инженеры устанавливали новый шлюзовой механизм, тщательно проверяя каждый узел и соединение. Система требовала точной калибровки и синхронизации с существующей инфраструктурой станции, что добавляло дополнительные сложности в и без того непростую задачу.

— Блин?! — простонал я, пытаясь вырваться из крепкого захвата.

— Не «блин», а Алёна Викторовна! — строго поправила сестра, не ослабляя хватку.

— Я же спал!!! — возмутился я, пытаясь прикрыть глаза от яркого света.

— Вот именно! А у нас зарядка уже началась, — невозмутимо ответила она, продолжая тащить меня за ногу.

— А я тут при чём? — пробурчал я, пытаясь найти удобное положение в этом неудобном положении.

— Мы с тобой в одной команде, забыл? — напомнила Алёна, не сбавляя темпа.

— Да, только я мозги, а не мускулатура! И вообще, я твой начальник! — попытался я использовать последний аргумент.

— Я знаю! И поэтому ещё больше тебя люблю, — усмехнулась сестра, чмокнув меня в макушку.

Продолжая свой экстравагантный путь, она наконец-то доставила меня в спортзал, где уже собралась вся наша группа. С трудом пересилив своё возмущение и сонливость, я всё же включился в общий ритм тренировки.

Надо сказать, что несмотря на комичность моего появления, никто из присутствующих даже не улыбнулся. Это лучше всего характеризовало мою сестру — её авторитет был непререкаем. Хотя, признаться честно, я и без этих доказательств знал, насколько она уважаема в коллективе. Её умение сочетать жёсткую дисциплину с заботой о команде вызывало искреннее восхищение у всех, кто её знал.

Постепенно сонливость отступала, а вместе с ней и моё недовольство столь оригинальным пробуждением. В конце концов, не каждый день удаётся начать день с такого запоминающегося появления!

— Ну ты как? — поинтересовались Лена и Иван, окружив меня после душа.

Успокоив их и пообещав, что со мной всё в порядке, я поспешил к рабочему терминалу. Знаете, иногда именно такие неожиданные пробуждения помогают взглянуть на проблему под другим углом — во время утренней встряски у меня появилась идея, как можно решить проблему со шлюзом.

Добравшись до своего рабочего места, я первым делом открыл техническую документацию. Да, я уже просматривал её раньше, но тогда это казалось невыносимо скучным занятием — я буквально боролся со сном, изучая эти бесконечные схемы и спецификации. Сейчас же у меня была чёткая цель.

Вчера я пытался найти точку входа к системе шлюза через ядро центрального процессора, но потом меня осенило! Модульная архитектура базы была спроектирована гениально: сначала создавался центральный компьютер, а

затем к нему подключались отдельные модули — комнаты со своей встроенной электроникой, системы жизнеобеспечения и, конечно же, шлюзы.

Каждый шлюз имел собственную микропроцессорную плату с базовым программным обеспечением, а центральный компьютер лишь управлял этими независимыми системами через стандартизированный протокол связи. Это означало, что я мог попытаться получить доступ к шлюзу напрямую, минуя основную систему!

Изучая схемы подключения, я наконец обнаружил нужный интерфейс — вспомогательный порт диагностики, который позволял подключиться к локальной системе управления шлюза. Облегчённо выдохнув, я допил уже остывший кофе… и тут заметил, что держу стакан в руке!

Обернувшись, я увидел Алёну и Елену — они стояли неподалёку и улыбались, явно подслушав мои размышления.

— Сговорились, да? — усмехнулся я.

— Много чести! — синхронно фыркнули они, после чего развернулись и ушли.

За всем этим наблюдал и Иван, молча кивнув мне в знак одобрения. Похоже, мои коллеги уже привыкли к моим эксцентричным методам решения проблем — от утренних пробуждений до внезапных озарений у терминала.

— Сочувствую, братан, но я, наверно, больше на неё не претендую, — вздохнул Иван, поправляя свой технический рюкзак.

— Трус, — поддел я его с улыбкой.

— Сам такой, — парировал он, но беззлобно.

Мы обменялись улыбками, и я резко поднялся на ноги.

— Выдвигаемся к шлюзу, — скомандовал я, проверяя свой нейроинтерфейс.

— А завтрак? Мне вот кофе никто не носит! — проворчал Иван, потирая живот.

— Завидуешь? — усмехнулся я.

— Если подумать, то нет, — признал он, — но позавтракать бы не отказался.

Иван всегда отличался отменным аппетитом, при этом умудряясь поддерживать идеальную физическую форму. Этому факту откровенно завидовала Елена, которая постоянно экспериментировала с различными диетами и системами

питания.

Решив не пренебрегать утренним приёмом пищи, мы заглянули на автоматическую кухню, где быстро собрали необходимые припасы. Уже в расширенном составе, подкреплённые энергетическими батончиками и термосом с кофе, направились к шлюзовой зоне.

Работы по установке дополнительного защитного барьера были завершены. Пройдя через новый прозрачный шлюз из композитного материала с встроенными датчиками давления и герметичности, мы оказались в промежуточном отсеке. Здесь царила особая атмосфера — смесь предвкушения и напряжения, характерная для моментов перед важными техническими операциями.

Стены отсека были усеяны диагностическими панелями и резервными интерфейсами, а в центре располагался основной шлюзовой механизм, над которым трудились инженеры последние несколько дней. Всё было готово к предстоящей операции.

Я бросил взгляд на часы — пора было приступать к реализации нашего плана по разблокировке древнего шлюза.

Новое помещение представляло собой отрезок коридора длиной около десяти метров. С левой стороны, возле недавно установленного шлюза, находился вход в помещение, которое сейчас использовалось как временный склад оборудования.

Перед старым шлюзом уже монтировалась специальная установка, о которой ранее упоминал Алексей Петрович. Сам начальник безопасности внимательно следил за процессом монтажа. Заметив наше появление, он подошёл и поприветствовал нас.

— Желаете понаблюдать за процессом или, может, появились какие-то новые идеи? — спросил он, окинув нас профессиональным взглядом.

Я внимательно осмотрел установку. Она напоминала специализированную буровую систему, предназначенную для горизонтального бурения. Устройство было установлено с небольшим смещением вправо от центра шлюза.

— Алексей Петрович, — обратился я к нему, — позвольте задать вопрос.

— Конечно, я вас слушаю, — кивнул он.

— Это окончательное положение установки или её планируют перемещать?

— Нет, — ответил он, — бурение шлюза будет производиться именно в этой точке.

— Позвольте уточнить, почему именно здесь? — поинтересовался я.

— Дело в том, — пояснил Алексей Петрович, — что в этом месте, с внутренней стороны шлюза, расположен основной блок управления системой. Согласно разработанному плану, с помощью этого бура мы проделаем отверстие во внешней стене. Затем, используя бур как направляющий канал, проникнем внутрь конструкции и деактивируем управляющий блок механическим способом.

Он указал на схему, выведенную на портативный дисплей:

— Вот здесь, — его палец указал на точку на схеме, — находится критический узел системы. Его деактивация позволит нам получить доступ к механическим компонентам шлюза и открыть его традиционным способом.

— А нельзя подключиться к этому блоку? — не унималась Елена.

— Нет, Елена Игоревна, — покачал головой Алексей Петрович. — На этом блоке отсутствуют любые разъёмы для внешнего управления. Он спроектирован как полностью автономное устройство.

— А тот интерфейс, к которому подключён центральный компьютер? — не сдавалась она.

— Если разорвать связь с центральным компьютером, — пояснил начальник безопасности, — этот блок активирует аварийную механическую блокировку. И тогда единственный способ — физическое удаление устройства, что повредит всю систему шлюза.

Слушая этот диалог, я не мог не задуматься о том, как быстро теряется даже среди специалистов техническая информация. Примером тому служил как раз этот управляющий блок — ШМК-7 (Шлюзовой Марсианский Контроллер, версия 7). Позже его окрестили «Барьер Х», и это название прочно закрепилось в обиходе.

Особенностью именно этой модели контроллера была встроенная функция, о которой все забыли. Она присутствовала в устройстве по умолчанию, но никогда не использовалась на практике. Речь шла о протоколе «BlueTooth 2.0» — технологии ближней беспроводной связи. В XX и начале XXI века этот стандарт был невероятно распространён, но с развитием более современных технологий о нём практически забыли.

Интересно, что этот модуль связи был заложен в контроллер как резервный канал управления на случай отказа основной системы. Он работал на частоте 2.4 ГГц и имел радиус действия до 10 метров. Более того, в памяти устройства до сих пор могли сохраняться заводские настройки сопряжения, что давало нам теоретическую возможность установить связь с блоком управления, минуя все блокировки.

Оставалось только найти подходящее оборудование и правильные протоколы доступа к этому древнему интерфейсу…

Подойдя к массивной поверхности шлюза, я расстегнул свой технический баул и начал методично перебирать содержимое. Наконец, мои руки нащупали самодельный мультичастотный сканер — компактное устройство, способное детектировать различные типы электромагнитных волн и сигналов.

Пальцы дрожали от напряжения, пока я настраивал прибор и проводил им вдоль поверхности шлюза. Экран сканера то и дело мигал, показывая различные частоты и помехи, но я искал конкретный сигнал — древний протокол Bluetooth.

Спустя несколько томительных минут прибор наконец поймал слабый отклик на частоте 2.4 ГГц. Я аккуратно отметил маркером участок шлюза, где сигнал был наиболее стабильным — это и была точка расположения скрытого модуля связи.

Когда я повернулся, чтобы достать следующий набор инструментов, то замер от неожиданности: все присутствующие в помещении, словно заворожённые, не отрываясь следили за моими действиями.

— Что? — не выдержал я их пристальных взглядов.

— Всё нормально, — поспешил успокоить меня Иван, выставив вперёд руки в примирительном жесте. Остальные синхронно закивали, подтверждая его слова.

— Если сейчас шлюз откроется, мы прямо так все туда пойдём? — раздался осторожный голос из толпы.

На секунду воцарилась напряжённая тишина, а затем начался настоящий переполох. В этом хаосе я смог разобрать только одну чёткую фразу: «Пока не открывай!»

Тяжело вздохнув и стараясь не обращать внимания на суматоху вокруг, я достал из сумки направленную антенну — специальное устройство для усиления слабых сигналов. Прикрепив её к отмеченному участку шлюза, я подключил прибор к своему ноутбуку.

На экране начали появляться первые данные — древний протокол связи всё ещё работал, хоть и на грани обнаружения. Мои пальцы запорхали над клавиатурой, погружая меня в цифровой лабиринт старого кода и алгоритмов…

Закончив финальные настройки системы, я огляделся вокруг. Рядом со мной оставался только Алексей Петрович, начальник службы безопасности.

— Вы сможете открыть шлюз? — спросил он, внимательно наблюдая за моими действиями.

— Да, осталось только нажать «Enter», — ответил я, указывая на последнюю команду в интерфейсе.

— Отлично, — кивнул он. — Тогда у меня к вам небольшая просьба. Не могли бы вы перенести управление шлюзом на мой персональный терминал?

Он протянул мне свой многофункциональный браслет, который всё это время находился на его руке. Я кивнул, уже понимая суть запроса.

— Как только завершите перенос, прошу вас присоединиться к общему инструктажу, — добавил он.

— Понял, сделаю, — согласился я.

Перенос управления на браслет начальника безопасности потребовал около десяти минут кропотливой работы. Необходимо было настроить защищённый канал связи, прописать права доступа и верификацию пользователя. Система требовала строгого соблюдения протоколов безопасности, и я скрупулёзно следовал каждому пункту.

Завершив все настройки и убедившись в корректной работе интерфейса, я аккуратно сложил свой ноутбук в специальный кейс. Выходя из технического помещения, я заметил, что в главном зале собрался практически весь персонал станции.

Вернув начальнику его модернизированный браслет, я занял свободное место среди коллег, готовясь к предстоящему инструктажу. Атмосфера в зале была напряжённой, но в то же время полной ожидания — каждый понимал значимость предстоящего события и ответственность, которая лежала на всех участниках операции.

— Итак, приступим к разбору ситуации, — начал начальник безопасности, обводя взглядом собравшихся. — Во-первых, давайте рассмотрим информацию, полученную с видеозаписей. Как вам известно, система видеонаблюдения

работает не в непрерывном режиме — запись активируется только при обнаружении движения в кадре. Именно поэтому камеры зафиксировали момент удара, после чего все записи одновременно прекратились. Это можно объяснить только полным отключением электропитания на станции.

Он перевёл взгляд на одного из технических специалистов, который, кивнув в знак согласия, поднялся со своего места.

— Для того чтобы установить истинную причину возникшей уязвимости в системе энергоснабжения, нам необходимо получить доступ к внутренним системам станции, — произнёс специалист, глядя прямо на начальника безопасности.

— Я рассчитываю на ваш профессионализм и опыт в решении этой задачи, — ответил Алексей Петрович, одобрительно кивая.

Специалист вернулся на своё место, и начальник продолжил:

— Если ориентироваться на данные внутреннего тайм-кода системы видеонаблюдения, электроэнергия начала постепенно появляться в отдельных помещениях станции только спустя пять стандартных суток. Этот факт вызывает особую озабоченность, поскольку не имеет логического объяснения. Если причиной полного отключения энергоснабжения действительно стал повреждённый метеоритным ударом генератор, то после его автоматического или ручного восстановления питание должно было появиться во всех секторах станции одновременно.

Сотрудник, с которым ранее велся диалог, утвердительно кивнул головой.

— Переходим к следующему аспекту, требующему особого внимания, — продолжил начальник безопасности, внимательно глядя на экран с проецируемыми данными.

Его взгляд переместился на Алёну, которая сидела в первом ряду.

— Обращаю ваше особое внимание на следующее: все сотрудники станции, судя по записям с камер наблюдения, передвигаются исключительно ползком. Это нестандартное поведение требует тщательного анализа. Поэтому предлагаю сосредоточить основное внимание на изучении потолков помещений, — подчеркнул он.

— Кроме того, — добавил Алексей Петрович, — на записях отчётливо видно, что по помещениям разбросаны какие-то кабели или провода, которых изначально там не было. Примечательно, что все сотрудники старательно их избегают,

словно эти провода представляют опасность.

— Поняла задачу, — коротко ответила Алёна, делая пометки в своём планшете. — Будем учитывать эти особенности при анализе.

— Теперь давайте проясним распределение ролей в группе, чтобы не возникло недопонимания, — строго произнёс начальник безопасности. — Первая миссия носит исключительно ознакомительный характер. Это означает одно: мы ничего не трогаем, только наблюдаем и анализируем. Командование операцией возлагается на Алёну Викторовну.

Алёна подняла руку, привлекая внимание.

— Важно понимать: если вам покажется что-то подозрительное — неважно, насколько незначительным это может показаться — вы немедленно возвращаете всю группу обратно, — подчеркнул Алексей Петрович.

Алёна кивнула, подтверждая своё понимание ответственности. Начальник безопасности переключился на другого члена команды.

— Никита, вам необходимо выбрать из своего подразделения специалиста, обладающего глубокими знаниями об устройстве и работе оборудования станции, — обратился он к руководителю технического отдела.

— Понял, Алексей Петрович, — ответил Никита, делая пометку в своём планшете.

— Иван Викторович, — продолжил начальник безопасности, — ваше участие в миссии обязательно. Именно вы будете определять, на что следует обратить особое внимание при осмотре помещений. При необходимости вы можете корректировать маршрут группы, однако настоятельно прошу: когда поступят приказы от Алёны Викторовны, выполнять их незамедлительно и беспрекословно.

— Я полностью осознаю важность ваших указаний, — подтвердил Иван.

— Иван Лаптев, — обратился начальник безопасности к охраннику, — ваша первоочередная задача — обеспечить безопасность Ивана Викторовича Буанасье. Что бы ни происходило в коридорах станции, он должен быть доставлен к шлюзу в полной сохранности.

Иван посмотрел на меня и кивнул, подтверждая свою готовность выполнить поставленную задачу.

К начальнику безопасности подошёл его помощник и что-то тихо прошептал на ухо. Выслушав сообщение и задумчиво кивнув, Алексей Петрович вернулся к собранию.

— Появилась новая информация от аналитиков с Земли, — сообщил он, нахмурив брови. — Они обратили внимание на крайне необычный факт: все сотрудники тринадцатой экспедиции добровольно изолировали себя в медицинских саркофагах!

Повернувшись к помощнику, он жестом попросил уточнить детали.

— Дело в том, — начал помощник, сверившись с данными на своём планшете, — что один из участников тринадцатой экспедиции, профессор Людь, проводил определённый эксперимент, который требовал использования саркофагов. В одном из помещений станции как раз располагалось шесть таких устройств.

— И что это были за эксперименты? — поинтересовался начальник безопасности, заметно напрягшись.

— Если потребуется более детальная информация, я могу запросить её у земного центра, — ответил помощник.

— Да, запросите, на всякий случай, — распорядился Алексей Петрович. — Пусть эта информация будет у нас под рукой.

— Принято, — кивнул помощник.

— Итак, — продолжил начальник безопасности, обращаясь ко всей группе, — сотрудники тринадцатой экспедиции не просто изолировались в саркофагах — они поместили туда даже погибшего коллегу. По предварительным предположениям аналитиков с Земли, это может свидетельствовать о том, что даже физические тела представляют потенциальную угрозу.

Мы все переглянулись между собой, обменявшись тревожными взглядами. Эта новость была действительно пугающей — если даже тела сотрудников представляют угрозу, то это могло означать только одно: те, кто сейчас отправится на разведку, могут столкнуться с опасностью, которая не позволит им вернуться обратно. Мысль об этом заставила каждого почувствовать холодок вдоль позвоночника.

— Итак, дамы и господа, — продолжил начальник безопасности, заметив наше беспокойство, — ваши защитные костюмы оснащены самыми современными системами мониторинга. В них встроены многочисленные камеры, датчики движения, биологические сенсоры и системы анализа окружающей среды.

Поэтому прошу вас обращаться с экипировкой максимально осторожно и внимательно следить за всеми показаниями.

Он подошёл ближе к столу, на котором были разложены образцы защитной экипировки.

— Каждый костюм имеет встроенный экзоскелет, способный выдержать значительные механические нагрузки, — пояснил он, демонстрируя особенности конструкции. — Кроме того, система фильтрации воздуха работает в режиме реального времени, анализируя состав атмосферы и предупреждая о любых отклонениях от нормы.

— Но главное, — подчеркнул Алексей Петрович, — не забывайте, что ваша безопасность — наш приоритет. Если датчики зафиксируют что-то подозрительное, немедленно возвращайтесь. Никакая информация не стоит вашей жизни.

*****

Архитектор, проектировавший этот шлюз, определённо был поклонником «Звёздных войн». Иначе как объяснить столь экстравагантный механизм открывания? Створки раздвигались по диагонали, расходясь от центра к четырём углам — зрелище было впечатляющим, словно мы входили в звёздный разрушитель!

Как только шлюз открылся, внутрь устремилась целая армада исследовательских дронов — не менее двух десятков. Одни транслировали изображение в реальном времени для операторов, другие рассредоточились по коридорам и помещениям, освещая путь рассеянным светом встроенных прожекторов.

Когда мы наконец вошли в эти загадочные кориды, первые минуты все, включая меня, машинально пялились на потолки — слишком свежи были указания о странном поведении прежних обитателей станции. Но постепенно я заставил себя сосредоточиться на детальном осмотре помещений.

Особое внимание я уделял показаниям сканера электромагнитных волн. Если удастся обнаружить на базе дополнительное оборудование с возможностью дистанционного управления — это может оказаться бесценной информацией. Каждый писк прибора заставлял меня замирать в надежде уловить знакомый сигнал древнего протокола связи…

Пол станции оказался относительно чистым, если не принимать во внимание толстый слой пыли, покрывающий всё вокруг. Однако наше внимание постоянно привлекали странные пучки проводов, встречающиеся на нашем пути.

Каждый такой пучок тянулся от одной части разобранной стены к другой. Причём характер разрушений стен был весьма необычным — словно их разбирали нечеловеческими усилиями. Некоторые участки выглядели так, будто их разрушали с помощью какого-то мощного оборудования, а не обычными инструментами.

Провода, которые мы встречали, всегда были многожильными. При этом лишь малая часть из них была подключена к каким-либо устройствам — большинство просто свисало, словно оборванные нити гигантской паутины. Мы старались обходить эти места стороной, проявляя максимальную осторожность. Однажды нам даже пришлось установить временный защитный щит, чтобы безопасно миновать особенно опасное скопление проводов.

Два часа напряжённого исследования каждого сантиметра пространства — и вот мы завершили полный обход территории. К счастью, ничего, что могло бы потребовать немедленной эвакуации, обнаружено не было. Все системы жизнеобеспечения работали в штатном режиме, показатели датчиков оставались в пределах нормы.

Пока остальная команда напряжённо работала над анализом собранных данных, просматривая каждый кадр видеозаписей и изучая показания датчиков, я позволил себе короткий отдых. Но сон был беспокойным — какие-то неуловимые детали не давали мне покоя, словно дразня своим присутствием на грани сознания.

Проснувшись, я прихватил свой ноутбук и направился в столовую. Там, за чашкой крепкого кофе — моего верного помощника в моменты напряжённой работы мозга — я попытался систематизировать свои мысли. Было о чём задуматься: странное поведение сотрудников прошлой экспедиции, загадочные провода, разобранные стены…

Всю ночь меня не покидало ощущение, что я упустил что-то важное, какую-то деталь, которая могла пролить свет на происходящее. После пробуждения я первым делом просмотрел записи с камер моего защитного костюма, но ничего нового не обнаружил. Однако интуиция подсказывала — нужно вернуться.

Обратившись к Горшенину с просьбой о повторной миссии, я получил немедленную поддержку. Его опыт и чутье подсказывали, что мои подозрения не беспочвенны. Уже через несколько минут была сформирована новая группа,

куда вошли наиболее подготовленные специалисты.

На этот раз состав группы был значительно меньше — всего несколько человек, чья основная задача заключалась в обеспечении моей безопасности и поддержке. Мы были не единственными на заброшенной базе: здесь работало ещё несколько групп, каждая со своим особым заданием.

Первым пунктом нашего маршрута стала серверная комната с главным компьютером. Однако там уже вовсю трудилась Елена вместе со своим прадедом. Забавно было наблюдать за их взаимодействием — особенно учитывая пятиминутную задержку связи. Их перепалки из-за этой технической особенности выглядели как диалог двух людей, говорящих на разных языках, хотя на самом деле они просто не успевали реагировать на реплики друг друга вовремя.

Следующей точкой нашего маршрута стала комната с саркофагами. Здесь тоже кипела работа, но характер её был совершенно иным. В основном это были специалисты-аналитики, берущие всевозможные пробы и образцы. Они методично исследовали каждый сантиметр помещения, каждый саркофаг, пытаясь найти хоть какие-то подсказки о том, что здесь произошло.

Я внимательно наблюдал за их работой, пытаясь уловить что-то необычное, то, что могло бы объяснить мои ночные предчувствия. Но пока всё выглядело так, будто мы ищем иголку в стоге сена — каждый сантиметр пространства был потенциально важен, и в то же время ничто не выделялось как явно подозрительное.

Нас попросили по возможности не нарушать целостность помещения, поэтому я остановился у входа в комнату и начал тщательный осмотр.

Первое, что бросилось в глаза — слева от двери располагался рабочий стол, если его можно было так назвать. Скорее это было какое-то хаотичное нагромождение оборудования и документов, словно здесь работал человек, совершенно не заботящийся о порядке.

По всему помещению, словно паутина, тянулись те самые загадочные кабели, которые мы уже встречали в коридорах. Они переплетались между собой, создавая причудливый узор на полу, и вели к различным точкам комнаты.

У дальней стены возвышались шесть массивных саркофагов — главных объектов нашего внимания. В одном из них нашёл свой последний приют мой отец, но материал крышки не позволял определить, в каком именно. Это обстоятельство заставило меня воздержаться от более близкого знакомства с этими

устройствами.

Следующие полчаса я методично обследовал все помещения, заглядывая в каждый угол, изучая каждую деталь. Но чем дольше я искал, тем яснее становилось — то неуловимое ощущение чего-то упущенного так и осталось неуловимым. Я не нашёл ничего, что могло бы пролить свет на происходящее или подтвердить мои смутные догадки.

Разочарование смешивалось с досадой — интуиция подсказывала, что ответ где-то рядом, но логика и опыт говорили о том, что, возможно, я просто гонюсь за призраками собственных предположений.

Последующие события развивались словно без моего непосредственного участия. Елена, опираясь на помощь своего прадеда, довольно быстро справилась с дешифровкой данных центрального компьютера. Их слаженная работа, несмотря на пятиминутную задержку связи, приносила ощутимые результаты.

Тем временем Иван окончательно интегрировался в команду моей сестры, став незаменимым помощником в её исследованиях. Ежедневно я слушал брифинги о продвижении расследования, и с каждым отчётом всё больше убеждался в том, что прозвище «тринадцатая проклятая» экспедиция может стать её официальным названием.

Расследование зашло в тупик — никто не мог понять истинных причин произошедшего на базе. Один из инженеров наконец разобрался с загадочными проводами: оказалось, что с их помощью подключались дополнительные модули к генератору. Но даже это открытие не прояснило ситуацию — основная энергосеть оставалась неповреждённой, и необходимость таких манипуляций оставалась загадкой.

Особенно сложным оказался вопрос о вскрытии саркофагов. Долгие дебаты велись о целесообразности этого шага. В итоге было принято решение отложить окончательное решение до момента, когда станет возможным подключение всего состава «Комиссии по внеземным вызовам». Именно эта организация отправила нас сюда для расследования обстоятельств исчезновения тринадцатой экспедиции.

Время шло, и мы ждали того момента, когда расстояние до Земли станет минимальным, обеспечивая стабильную связь для проведения важного совещания. От этого решения зависело не только дальнейшее развитие расследования, но и, возможно, раскрытие тайны, погубившей целую экспедицию.

Я стоял перед заваленным столом, нервно перебирая бумаги и электронные устройства. Мысли путались, а руки слегка дрожали — предстоящее общение с высокопоставленными чиновниками из «Комиссии по внеземным вызовам» вызывало у меня настоящую тревогу. До этого момента мне никогда не приходилось выступать перед столь серьёзной аудиторией, и я чувствовал себя совершенно не готовым к такому испытанию.

— Я же говорила, он ещё не собран, — раздался знакомый голос за спиной.

Обернувшись, я увидел двух девушек, стоящих в дверях. Они улыбались, и в их улыбках читалось искреннее участие. Они были удивительно похожи друг на друга: обе энергичные, жизнерадостные, целеустремлённые. Но их интересы расходились: одна посвящала себя боевым искусствам, другая — компьютерным технологиям.

— Быстренько переодевайся и в зал, — скомандовала одна из них, не скрывая своего веселья.

Я опустил взгляд на свою одежду, словно впервые её замечая, и неловко пожал плечами.

— Я вот думаю, что взять. Мне же доклад делать, — признался я, чувствуя, как краснеют щёки.

— Ты прямо как отец, — усмехнулась вторая девушка. — Постоянный бардак на столе и в голове.

Их слова немного разрядили напряжённую атмосферу, но внутреннее беспокойство не уходило. Я понимал, что от моего выступления зависит многое, и нужно собраться с мыслями, привести в порядок не только внешний вид, но и свои идеи.

Девушки, не скрывая улыбок, решительно взялись за моё переодевание. Их энергичная помощь немного разрядила напряжённую атмосферу, и вскоре, вооружившись ноутбуком, мы направились в главный зал.

Собрание носило статус финального, и на него собрались все, кто обладал хоть малейшей информацией по делу. Атмосфера в зале была напряжённой и сосредоточенной — каждый понимал значимость момента.

Поскольку все присутствующие уже были в курсе всех деталей расследования, вступительные слова оказались излишними. За последнюю неделю команда успела детально обсудить и перепроверить каждую мелочь.

На повестке дня стоял единственный вопрос — методика консервации саркофагов. После долгих обсуждений варианты возвращения или вскрытия были единогласно отклонены как слишком рискованные. Вместо этого был разработан особый «газовый метод».

План предусматривал доставку специального газа с Земли. Сначала им планировали заполнить старую часть станции для консервации. Через месяц, когда все биологические материалы будут нейтрализованы, предполагалось перейти к следующему этапу. В помещение с саркофагами должны были закачать другой состав, который навсегда запечатает тайну тринадцатой экспедиции.

Решение было жёстким, но прагматичным. Оно ставило точку в этом загадочном деле, оставляя множество вопросов без ответов. Тайна «тринадцатой проклятой» экспедиции должна была остаться неразгаданной, погребённой под слоем специальных реагентов, словно саркофаги, хранящие последние секреты её участников.

Совещание шло своим чередом: люди оживлённо обсуждали детали, выдвигали предложения, задавали вопросы. Я тоже участвовал в дискуссии, отвечал на реплики, но всё это время в моей голове навязчиво крутилась фраза: «Ты прямо как отец».

Дело было не в обиде — я прекрасно знал о своей неорганизованности. Моё рабочее место, как и у отца, всегда было завалено бумагами и оборудованием. Но в этот момент я вдруг осознал: именно эта «неаккуратность», этот творческий беспорядок были неотъемлемой частью нашего с отцом мышления. Мы просто не могли генерировать идеи за идеально убранным столом.

Внезапно, словно удар молнии, меня озарило. Я понял! Осознание того, что я упустил на старой станции, пронзило меня насквозь. И пока комнату с саркофагами не законсервировали…

Я резко поднялся со своего места, намереваясь немедленно отправиться к закрытой зоне.

— Иван Викторович хочет нам что-то сказать? — прозвучал спокойный голос руководителя Комиссии.

Я замер, осознав, что все взгляды теперь прикованы ко мне. Уважаемый профессор смотрел прямо в глаза, ожидая ответа.

— Что? — вырвалось у меня.

— Вы поднялись. Хотите что-то сообщить? — терпеливо повторил он.

— Мне необходимо срочно попасть в закрытую зону! — выпалил я, уже представляя, как бегу к шлюзу.

«Закрытой зоной» уже успели окрестить комнату с саркофагами — место, доступ к которому теперь строго контролировался Комиссией.

— Зачем? — прозвучал холодный голос председателя.

— Возможно, я смогу там найти недостающую информацию, — ответил я, стараясь сохранять спокойствие.

— Слово «возможно» в этом деле звучит не слишком обнадёживающе. К тому же мы уже приняли решение о консервации и уничтожении этой зоны, — в его тоне слышалось окончательное решение.

Эта фраза вызвала у меня настоящее потрясение. Подобное решение не могло быть принято без общего голосования, которое ещё только предстояло! Я перевёл взгляд на Алексея Петровича — его лицо выражало такое же искреннее удивление. Это придало мне решимости.

— Девиз Комиссии по внеземным вызовам — «изучать и защищать», я прав? — спросил я, глядя прямо в глаза председателю.

— И что? — последовал резкий ответ.

— Один из приглашённых членов комиссии утверждает, что у него есть возможность получить информацию, и вы ему отказываете?

— Вы сказали «возможно есть».

— Да, вероятность всего один процент. Но сколько процентов вам необходимо, чтобы решиться проверить мою версию? — мой голос звучал твёрдо, несмотря на внутреннюю дрожь.

В зале повисла тяжёлая тишина.

Не дожидаясь ответа председателя комиссии, я стремительно вышел из зала. К моему удивлению и облегчению, рядом оказалась Алёна — она уже отдавала приказы по коммуникатору, собирая оперативную группу для посещения закрытой зоны.

Перед входом в комнату экипировки я столкнулся с Горшениным.

— Хотите меня остановить? — спросил я напрямик.

— Ещё чего! — усмехнулся он.

— Тогда что вы здесь делаете?

Не отвечая на мои вопросы, Алексей Петрович шагнул в комнату и начал процесс экипировки.

— Когда ты вскрывал шлюз, у тебя был такой же решительный вид, — пояснил он наконец. — Поэтому я хочу быть в первых рядах.

— А как же комиссия? — удивился я.

— А что комиссия? — пожал плечами Горшенин. — В этом конфликте ты прав, а не они. Поэтому я с тобой. Хотя, должен признаться, я уверен, что ты ничего там не найдёшь.

— Это почему же? — спросил я, не скрывая своего удивления.

Елена, которая уже была с нами и надевала защитный костюм.

— Вы же идёте к саркофагам?

— Да.

— Я наизусть знаю, что находится в этой комнате, — он начал загибать пальцы. — Шесть однотипных саркофагов, несколько мотков провода на полу и стол с живописно разложенным по нему мусором.

— Мусором? — переспросил я.

— Да. Бумажки, провода, какие-то листки и по центру игрушка.

— Зайка? — внезапно спросила Алёна.

Она сглотнула.

— Да, зайка, — подтвердил Петрович.

— Папа… — голос сестры дрогнул. Казалось, она вот-вот расплачется, но невероятным усилием воли взяла себя в руки и завершила экипировку.

Видя наши недоумённые взгляды, я пояснил:

— То, что вы описали — это рабочее место моего отца.

— Думаете, он что-то оставил? — спросил Горшенин.

Я лишь пожал плечами, чувствуя, как внутри нарастает волнение. Возможно, именно в этом беспорядке, который был так характерен для отца, кроется ключ к разгадке. Возможно, среди разбросанных листков и проводов спрятано послание, которое мы упустили в первый раз.

Пока мы шли к комнате с саркофагами, я прихватил по дороге стул, не обращая внимания на удивлённые и даже возмущённые взгляды коллег. «Моя работа сидячая, а комфорт на рабочем месте способствует работоспособности», — мысленно оправдывал я свой поступок.

Расположившись за столом отца, я первым делом увидел знакомую игрушку. Эта мягкая зайка… Сколько воспоминаний связано с ней! Отец всегда называл маму «зайка» — это была наша семейная традиция, понятная только нам. Для постороннего человека эта игрушка ничего не значила, но для нас с сестрой она была полна глубокого смысла.

Алёна, словно под действием гипноза, медленно протягивала руку к игрушке. Я остановил её движение и указал взглядом на небольшой квадратный клочок бумаги, покрытый толстым слоем пыли.

Внезапно в моей памяти всплыла картина из далёкого прошлого. Мне было всего три года, когда мы всей семьёй отправились на курорт. Почти месяц мы беззаботно отдыхали на море, наслаждаясь солнцем, морем и друг другом. В один из этих счастливых дней нас запечатлел уличный фотограф, и так появилась единственная фотография, которую мы все так любили.

— Ты думаешь, это она? — голос Алёны дрожал от волнения.

Я не был уверен, но что-то внутри подсказывало:

— Да, Алёна.

Несколько раз переведя взгляд с меня на стол, она осторожно подняла картонный квадрат.

— Она!!! — воскликнула сестра, и её глаза заблестели от слёз.

Я испытал невероятное облегчение — это действительно была та самая фотография. Но сейчас меня занимало нечто другое. Взяв игрушку в руки, я уверенным движением открутил ей голову.

— Ах! — Ай! — Что?! — Какого…

Возгласы слились в единый недоумённый хор, но мгновенно стихли, когда на месте головы показался технический разъём.

Пока я искал подходящий переходник в комнате, стояла абсолютная тишина. Наконец кто-то не выдержал:

— Что это?

— Флешка, — абсолютно спокойно ответил я.

Для большинства присутствующих слово «флешка» было незнакомым термином — они жили в эпоху облачных технологий и цифровых носителей нового поколения. Но я, находясь на грани нервного срыва от постоянного напряжения, вдруг почувствовал странное желание немного разрядить обстановку. Правда, взглянув на серьёзные лица коллег, понял — сейчас не время для шуток.

— Флешка — это переносная база данных, — пояснил я, стараясь говорить максимально серьёзно.

— Информация записана здесь, а не в облаке? — удивилась Елена.

— Алёна, знаешь, как наши родители познакомились? — неожиданно для себя спросил я, продолжая настраивать переходник.

— Ну, не очень, — ответила сестра, явно заинтересованная историей.

— Так получилось, что бабушка решила распродать имущество умершего мужа. С чем это было связано — не спрашивай, не знаю.

Я наконец нашёл нужный разъём и начал подключение.

— На развале ей помогала дочь, — продолжил я.

— Наша мама, — догадалась Алёна.

— Точно! Отец, проходя мимо, решил познакомиться, но бабушка на него наорала, чтобы не мешал торговле.

— Алёна, теперь я знаю, в кого ты характером! — не удержался Горшенин.

— Ну, Алексей! — возмутилась сестра.

— И тогда отец решил что-нибудь купить. Но так как денег было мало, и ему ничего не приглянулось, он выбрал простую игрушку.

— Зайчика, — закончил я историю. — Уже значительно позже он выяснил, что это не просто игрушка, а флэш-накопитель на один терабайт. А так как игрушка к тому времени уже считалась домашним талисманом, то и накопитель обрёл ту же роль.

— И что он туда записывал? — не унималась Елена.

— Кроме всех фото и видео, которые у нас были? — усмехнулся я.

— Ау! — воскликнула Алёна, толкнув меня локтем.

— Не забывай, наш отец — профессор медицины, и им написано много профильной литературы, — продолжил я, подключая наконец переходник к считывающему устройству. — А прежде чем что-то написать, надо собрать и систематизировать огромное количество информации.

В комнате воцарилась напряжённая тишина, пока система определяла подключённый носитель. Каждый понимал: сейчас мы можем получить доступ к тому, что хранил отец все эти годы. К его исследованиям, мыслям, возможно, даже к разгадке того, что произошло с тринадцатой экспедицией.

Индикатор загрузки медленно пополз по экрану, и я почувствовал, как сердце начинает биться чаще.

Я открыл проводник на ноутбуке, и на экране появилась прекрасно сохранившаяся структура флешки. Как разительно отличался порядок в виртуальном пространстве от хаоса на физическом рабочем столе отца! Всё было систематизировано, каталогизированы, разложено по папкам с понятными названиями.

В глаза сразу бросилась папка, выделенная большими красными буквами — «ОТЧЁТ». Ни у кого не оставалось сомнений относительно её содержания. По всем правилам безопасности и протокола необходимо было аккуратно свернуть все данные и передать их специалистам для тщательного анализа. Но…

Я переглянулся с Алёной и Горшениным. В их глазах читалось то же нетерпение, то же желание узнать правду прямо сейчас. Глубоко вздохнув, я щёлкнул мышью по папке.

На флешке оказалось всего три пронумерованных файла. После краткого раздумья я открыл первый.

На экране появился зал с главным компьютером. Через несколько секунд в кадре возник человек. Он двигался с огромным трудом, его тело было облеплено

какой-то конструкцией из дощечек. С невероятным усилием развернувшись, он опустился на стул.

— Разрешите представиться, Виктор Раулевич Буанасье, профессор медицины и штатный врач тринадцатой марсианской экспедиции — произнёс он.

Оглядев что-то на мониторе компьютера, он продолжил:

— Несколько дней назад произошла авария. Что именно случилось, оставлю за скобками — это будут выяснять наши коллеги, когда прилетят за нами.

Было видно, что говорить ему тяжело, но его лицо выражало непоколебимую уверенность.

— По экипажу: Алан Рабле, астрофизик и связист — погиб от потери крови. Профессор Людь, биоинженер и микробиолог — осколочный перелом обеих ног. Вениамин Иванович Суворов, инженер-радиоэлектронщик — перелом правой руки, правой ноги и таза с правой стороны.

Он взглянул на какой-то предмет на столе и усмехнулся:

— Говорит, это он с кровати так удачно свалился! Ну и ваш покорный слуга — перелом позвоночника, слава богу, без смещения. Благодаря этой конструкции могу ходить.

Говорить Виктору Раулевичу было действительно тяжело — каждое слово давалось с видимым усилием. Его речь то и дело прерывалась долгими паузами, во время которых он собирал силы, чтобы продолжить рассказ.

— Так как в момент удара полностью пропало электроснабжение, основной задачей стало его восстановление, — с трудом произнёс он. — Справиться с этим мог только Вениамин. Он и отправился… А так как одной левой рукой он это дело осилить не мог, на подмогу с ним пошёл Людь.

Виктор издал хриплый смешок, насколько позволяли его травмы.

— Ну как пошёл… После того как я их «окультурил» — то есть вправил кости и наложил шины, — они неспешно поползли куда-то в сторону генератора, — он с трудом махнул рукой в нужном направлении.

Сделав паузу для восстановления дыхания, он продолжил:

— Я же, соорудив себе эту прекрасную конструкцию из досок и бинтов, строевым маршем отправился в комнату связи. Сигнал сам себя не подаст! — в его голосе проступила ирония, смешанная с болью.

Прикрыв глаза и покачав головой, он с видимым усилием продолжил:

— К счастью, «красный сигнал» успел подать Алан. Поэтому я, констатировав его смерть, поспешил на помощь к нашей технической службе.

Каждое движение, каждый жест выдавали его страдания. Было очевидно, что он держится из последних сил, но продолжает выполнять свой врачебный долг, заботясь о коллегах. Его решимость и профессионализм поражали даже в такой безвыходной ситуации.

Говорить Виктору Раулевичу становилось всё труднее, паузы между фразами удлинялись, но он упрямо продолжал свой рассказ.

— Сколько мы всем этим занимались — сказать сложно, — прохрипел он. — Вениамин с профессором работали и спали там. Я же либо помогал им, либо носил еду и воду.

Сделав глубокий вдох, он продолжил:

— Кстати, важная информация для будущих строителей инопланетных станций: у подобного вида модульных конструкций оказался критический изъян. При подобных встрясках модули ходят в разнобой и перерубают сквозные коммуникации.

Один из специалистов, наблюдавших за записью, не выдержал:

— Как? Ведь они прозваниваются?

Виктор, собрав последние силы, ответил:

— Учитывая, что потом всё встаёт на своё место, прозвонка, даже с помощью системы, не покажет ошибки.

В зале раздался возглас:

— Ну конечно! Это же очевидно!

Было видно, как на лицах некоторых присутствующих отразилось понимание — словно пелена спала с глаз.

Собрав последние силы, Виктор произнёс:

— И последнее на сегодня. Сейчас ребята пытаются восстановить снабжение комнаты с саркофагами. Если у них это получится, то я поделюсь с вами интересной информацией.

В помещении поднялся настоящий хаос. Технические специалисты, возбуждённо перекрикивая друг друга, обсуждали только что полученную информацию, пытаясь осмыслить масштаб открытия. Их голоса сливались в единый гул, наполненный профессиональными терминами и восклицаниями.

Я отыскал взглядом Горшенина и жестом указал на монитор:

— Это нужно немедленно передать на Землю!

— Не беспокойся, — спокойно ответил Алексей Петрович. — Идёт прямая трансляция, в том числе и на Землю. Более того, наземный центр просит как можно скорее запустить второй файл.

Я молча кивнул, соглашаясь с необходимостью действовать быстро. Пальцы дрогнули, когда я нажал кнопку воспроизведения.

В тот же миг атмосфера в помещении изменилась. Все разговоры стихли, словно по команде. Наступила такая тишина, что можно было услышать, как бьётся сердце каждого присутствующего. Все взгляды были прикованы к экрану, где вот-вот должно было появиться продолжение истории, способной изменить всё наше понимание произошедшего на станции.

На этот раз, когда запись началась, отец уже сидел на стуле, но его улыбка казалась вымученной. За время между записями он сильно изменился — лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени. Было видно, что предыдущие дни стали для него настоящим испытанием на выживание. Каждое движение давалось ему с трудом, словно он вынужден был контролировать их по отдельности.

— Всё, я остался один, — произнёс он хриплым голосом.

То, что я считал мёртвой тишиной до этого момента, оказалось лишь прелюдией к настоящему молчанию. Все присутствующие затаили дыхание.

— Все остальные, включая Алана, находятся в саркофагах, — продолжил отец, поднимая со стола заполненный шприц. Он показал его в камеру. — Сейчас я доберусь до своего ложа и тоже введу себе это вещество.

Несколько минут он потратил на то, чтобы восстановить дыхание. Затем, собрав последние силы, посмотрел прямо в камеру, словно глядя нам в глаза.

— Пятьдесят лет назад молодой профессор Ибрагим Людь разработал, как он считал, абсолютно революционное средство для лечения любых болезней. То ли его характер всему виной, то ли так сложились обстоятельства, но его идею

отвергли. Сейчас это уже не имеет значения.

Пока длилась следующая пауза, все в комнате терпеливо ждали, не произнося ни звука. Напряжение в воздухе стало почти осязаемым.

— Но он, несмотря на запрет, тайно продолжил свои исследования и, по его утверждениям, добился впечатляющих результатов, — голос отца звучал всё слабее. — Это средство ускоряет естественную регенерацию организма до уровня морской звезды. Не знаю, насколько это реально, но я постарался воспроизвести его рецепт. А так как по-другому дождаться спасателей мы не сможем, все получают дозу этого вещества и ложатся в саркофаги.

Он сделал паузу, тяжело дыша, затем продолжил:

— В следующем файле я закодировал структуру изначального рецепта и все изменения, которые мне пришлось внести. Надеюсь, эта информация поможет нашей реанимации.

Его взгляд стал более сосредоточенным, словно он чувствовал, что говорит последние слова.

— Иван, эти файлы необходимо срочно отправить на Землю — произнёс он с особой настойчивостью.

В комнате повисла гнетущая тишина. Все понимали значимость этой информации. Я молча кивнул, осознавая ответственность момента. Аккуратно собрав флешку, я направился к основному компьютеру.

Дрожащими руками я подключил переходник к системе. Экран мигнул, принимая сигнал. Выделив нужную папку с файлами, я начал передачу данных. Каждый байт, отправляющийся на Землю, словно отсчитывал последние мгновения этой трагической истории.

Индикатор загрузки медленно полз по экрану, а я не мог оторвать взгляда от монитора, чувствуя, как время будто остановилось в ожидании того, что эти данные помогут раскрыть тайну и, возможно, спасти тех, кто находится в саркофагах.

После этого последние силы покинули меня. Ноги подкосились, и я, шатаясь словно астронавт в условиях невесомости, доковылял до стены. Опустившись на холодный металлический пол, я закрыл глаза, чувствуя, как пульсирует кровь в висках. Обещание, данное матери — найти отца — было выполнено. Но побыть наедине со своими мыслями мне не дали.

Сначала ко мне прижалась Елена, её рука дрожала, когда она обняла меня. Затем с другой стороны подошла Алёна, её голос звучал прерывисто:

— Ваня, ты справился…

Они обе что-то говорили, перебивая друг друга, их слова сливались в единый поток звуков. Время от времени мимо проходили люди в серо-синих скафандрах, их шаги эхом отражались от стен, а голоса, искажённые системами связи, доносились словно из другого измерения. Но я просто сидел, сжимая в кулаке медальон отца, и пытался не дать слезам вырваться наружу.

Внезапно Алёна, словно молния, сорвалась с места и бросилась к выходу, её шаги гулко отдавались в пустоте коридора.

— Куда это она? — спросил я, с трудом поднимая голову.

— Побежала организовывать бригаду по зачистке базы, — ответила Елена, её голос дрожал. — Нужно подготовить всё к интеграции.

— Зачистки? — переспросил я, пытаясь собрать мысли в кучу.

— Похоже, ты всё пропустил! — воскликнула она. — Пока ты был погружён в записи, приняли решение о полной интеграции старой части базы с новой инфраструктурой.

— Это же хорошо, правда? — спросил я, чувствуя, как надежда начинает теплиться в груди.

— Конечно, Ванюша! — улыбнулась она, хотя в её глазах читалась усталость.

В этот момент в центре зала появился Петрович. Его усиленный динамиками голос разнёсся по помещению:

— Внимание всем! Помимо общей интеграции базы, нам необходимо подготовить саркофаги для транспортировки на Землю. И самое главное — у нас нет двух месяцев на подготовку! — его голос звучал торжественно. — Полчаса назад с Земли стартовал корабль нового типа, относящийся к классу «тринадцатая марсианская». Благодаря усовершенствованным гравитационным двигателям, этому кораблю требуется всего две недели, чтобы преодолеть путь до нас.

Он сделал паузу, давая всем осмыслить сказанное.

— Позывной первого корабля — «Виктор Буанасье», а второго, который стартует на следующий день — «Ибрагим Людь». Надеюсь, никто не подведёт звание марсианского исследователя, и мы достойно встретим корабли!

В этот момент Елена Игоревна Ковалёва, не сдерживая больше эмоций, разрыдалась, прижавшись к моей груди. Её плечи содрогались от рыданий, а я сидел и думал: «Два программиста в семье — это уже перебор или пока нет?»

Вокруг нас суетились люди, системы жизнеобеспечения тихонько гудели, а в воздухе витал едва уловимый запах озона от работающих систем очистки. На экранах мониторов мелькали схемы подготовки к встрече кораблей, а в глубине базы уже начинали работать автоматизированные системы демонтажа и интеграции.

Эпоха загадок подходила к концу. Наступала новая эра — эра открытий и воссоединения.